

Валерий Брюсов

Tertia Vigilia

Содержание

ВОЗВРАЩЕНИЕ	0010
ВОЗВРАЩЕНИЕ	0010
Я	0012
«Ребенком я, не зная страху...»	0013
ЛЮБИМЦЫ ВЕКОВ	0014
АССАРГАДОН	0014
ХАЛДЕЙСКИЙ ПАСТУХ	0015
РАМСЕС Отрывок	0016
ЖРЕЦ ИЗИДЫ	0017
ПСИХЕЯ	0019
ЦИРЦЕЯ	0020
КАССАНДРА	0021
МОИСЕЙ	0022
АЛЕКСАНДР ВЕЛИКИЙ	0023
ЛАМИЯ	0026
АМАЛТЕЯ	0027
СКИФЫ	0028
КЛЕОПАТРА	0030
СТАРЫЙ ВИКИНГ	0031
ДАНТЕ	0033
ДАНТЕ В ВЕНЕЦИИ	0034
ФЛОРЕНЦИЯ ДЕКАМЕРОНА	0036
АСТРОЛОГ	0037
БАЯЗЕТ	0038
ДОН ЖУАН	0039

МАРИЯ СТЮАРТ	0040
РАЗОРЕННЫЙ КИЕВ	0041
О ПОСЛЕДНЕМ РЯЗАНСКОМ КНЯЗЕ ИВАНЕ ИВАНОВИЧЕ	0042
НАПОЛЕОН	0044
У МОРЯ Крым 1898–1899 г Ревель (Катериненталь) 1900 г	0046
«Волны взбегают и пенятся...»	0046
«Звезда затеплилась стыдливо...»	0047
«У перекрестка двух дорог...»	0047
«Где подступает к морю сад...»	0048
«День растоплен; море сине...»	0048
«Весь день был тусклый, бледный и туманный...»	0049
«Месяца свет электрический...»	0050
«Словно птица большая...»	0051
«Лежу на камне, солнцем разогретом...»	0052
«Кипит встревоженное море...»	0053
«Волны приходят, и волны уходят...»	0053
«Обошла тропа утес...»	0054
«Небо чернело с огнями...»	0054
«Белый цвет магнолий...»	0055
«Облака цепляются...»	0056
«Мерно въет дорога...»	0057
«Ветер с моря волны гонит...»	0058
«Из-за облака скользящий...»	0058
«Море — в бессильном покое...»	0059
ЗАКАТ	0059

ЕЩЕ ЗАКАТ	0060
В СТЕНАХ	0061
«Люблю я линий верность...»	0061
«Я люблю большие дома...»	0062
«Когда сижу один и в комнате темно...»	0063
«Когда опускается штора...»	0064
«Я провижу гордые тени...»	0065
«Жадно тобой наслаждаюсь...»	0066
«Люблю вечерний свет, и первые огни...»	0067
«Мы к ярким краскам не привыкли...»	0068
«Зодчество церквей старинных...»	0069
«Вы, снежинки, вейте...»	0069
НА ДАЧЕ	0070
«Церкви, великие грани...»	0070
«Облеченные в одежды...»	0071
«Улицей сонной и тихой...»	0072
«Месяц серпом умирающим...»	0073
«Огни „электрических конок“...»	0074
«Я видел искры от кирки...»	0075
«Словно нездешние тени...»	0075
«В борьбе с весной редеет зимний холод...»	0076
ЕЩЕ СКАЗКА	0077
ЖЕНЩИНЕ	0077
ЛЮБОВЬ	0078
«Осенний день был тускл и скуден...»	0079
«Я — мотылек ночной. Послушно...»	0080
«По холодным знакомым ступеням...»	0081

«Да, эту улицу я знаю...»	0082
«Строгий, холодный и властный...»	0083
«Роскошен лес в огне осеннем...»	0084
«Я помню свет неверно-белый...»	0085
«В моих словах бесстыдство было...»	0086
«И снова ты, и снова ты...»	0087
«Я имени тебе не знаю...»	0088
«Мысль о тебе меня весь день ласкает...» .	0089
«Часы прошли, как сон изменчивый...» . .	0090
«Настал заветный час дремотный...»	0090
«Тоска бродячего светила...»	0091
«О да! Я — темный мотылек...»	0092
«Ты умеешь улыбаться...»	0093
«Сладко скользить по окраинам бездны...»	0094
«Мне грустно оттого, что мы с тобой не двое...»	0095
МИЛАЯ ПРАВДА	0097
ПЕРВАЯ ЗВЕЗДОЧКА	0097
В ДЕНЬ СВЯТОЙ АГАТЫ	0098
Я ЛЮБЛЮ	0099
БЛИЗКОЙ	0100
ФЕЯ ФОНТАНОВ	0101
«И небо и серое море...»	0102
КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ	0103
«К твоему плечу прижаться...»	0104
БЛИЗКИМ	0105
К ПОРТРЕТУ ЛЕЙБНИЦА	0105

К ПОРТРЕТУ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА	0106
НА СМЕРТЬ И. ЛЯЛЕЧКИНА	0107
К ПОРТРЕТУ К. Д. БАЛЬМОНТА	0108
К. Д. БАЛЬМОНТУ	0109
ЮРГИСУ БАЛТРУШАЙТИСУ	0111
«ПРИЗРАКИ», КАРТИНА М. ДУРНОВА	0112
Г. Г. БАХМАНУ	0113
СЛУЧАЙНОЙ	0114
ПАМЯТИ Е. И. П.	0115
ЕЙ ЖЕ	0116
НО ПОВОДУ СБОРНИКОВ «РУССКИЕ СИМВОЛИСТЫ»	0117
ПО ПОВОДУ «ME EUM ESSE»	0117
К САМОМУ СЕБЕ	0118
КНИЖКА ДЛЯ ДЕТЕЙ	0119
ЗЕЛЕНЬИЙ ЧЕРВЯЧОК	0119
КРАСНАЯ ШАПОЧКА	0120
ДОЗОР	0121
РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО	0123
ПАСХА, ПРАЗДНИКАМ ПРАЗДНИК	0124
В СТАРИННОМ ХРАМЕ	0125
СЛЕПОЙ	0126
МЫШИ	0127
ДЕМОНЫ ПЫЛИ	0128
КОЛЯДА	0129
ДЕВОЧКА	0131
УТРО	0132
ПРЕД ГРОЗОЙ	0133

ИЗ ДНЕВНИКА	0134
ГЛАЗА	0134
К БОЛЬШОЙ МЕДВЕДИЦЕ	0135
ВЕЛИЧАНИЕ	0136
ТЕНИ ПРОШЛОГО	0137
ВИЛА	0138
ЗВЕЗДА МОРЕЙ	0139
К МЕТАЛЛАМ	0140
ЗА ПРЕДЕЛАМИ СКАЗОК	0141
СЛУЧАЙНОСТИ	0142
ДАЧИ ОСЕНЬЮ	0143
ПЕСНЯ	0144
ПАПОРОТНИК	0145
ЖИЗНЬ	0146
ПРОЗРЕНИЯ	0148
В НЕКОНЧЕНОМ ЗДАНИИ	0148
В ДНИ ЗАПУСТЕНИИ	0150
БРАНЬ НАРОДОВ	0151
БРАТЬЯМ СОБЛАЗНЕННЫМ	0153
КАЖДЫЙ МИГ	0154
УСТОИ	0155
ПРОБЛЕСК	0156
ОТРАДЫ	0158
МЫ	0160
МЫ	0160
Я ЗНАЮ	0161
ЛЮЦИФЕР	0162
ЗАЛОГ	0163

CORONA0164
ЖЕРНОВА0165
ДУХИ ЗЕМЛИ0166
ЗОЛОТО0167
«Бузмолвные свидетели...»0169
ЕЩЕ «МЫ»0170
«Поклоняются многие мне...»0171
«С неустанными молитвами...»0172
«Случайность и намеренность...»0173
ЛИРИЧЕСКИЕ ПОЭМЫ0174
КРАСКИ0174
СКАЗАНИЕ О РАЗБОЙНИКЕ Из Пролога0178
АГНАТ Финикийский рассказ0181
ЦАРЮ СЕВЕРНОГО ПОЛЮСА0188
ПРЕДАНИЕ О ЛУНЕ Баллада0206
ЗАМКНУТЫЕ Сатирическая поэма0210

Валерий Брюсов
TERTIA VIGILIA[1]
1898–1901

*Памяти
Ивана Коневского и Георга Бахмана,
двух ушедших.*

ВОЗВРАЩЕНИЕ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Я убежал от пышных брашен,
От плясок сладострастных дев.
Туда, где мир уныл и страшен;
Там жил, прельщения презрев.
Бродил, свободный, одичалый,
Таился в норах давней мглы;
Меня приветствовали скалы,
Со мной соседили орлы.
Мои прозренья были дики,
Мой каждый день запечатлен;
Крылато-радостные лики
Глядели с довременных стен.
И много зим я был в пустыне,
Покорно преданный Мечте...
Но был мне глас. И снова ныне
Я — в шуме слов, я — в суете.
Надел я прежнюю порфиру,
Умастил миром волоса.
Едва предстал я, гордый, пиру,
«Ты царь!» — решили голоса.

Среди цариц веселой пляски
Я вольно предызбрал одну:
Да обрету в желаньи ласки
Свою безвольную весну!
И ты, о мой цветок долинный,
Как стебель, повлеклась ко мне.
Тебя пленил я сказкой длинной...
Ты — наяву, и ты — во сне.
Но если, страстный, в миг заветный,
Заслышу я мой трубный звук, —
Воспряну! кину клич ответный
И вырвусь из стесненных рук!

31 марта 1900

Я

Мой дух не изнемог во мгле противоречий,
Не обессилел ум в сцепленьях роковых.

Я все мечты люблю, мне дороги все речи,
И всем богам я посвящаю стих.
Я возносил мольбы Астарте и Гекате,
Как жрец, стотельчих жертв сам проливал
я кровь,

И после подходил к подножиям распятий
И славил сильную, как смерть, любовь.
Я посещал сады Ликеев, Академий,
На воске отмечал реченья мудрецов;
Как верный ученик, я был ласкаем всеми,
Но сам любил лишь сочетанья слов.
На острове Мечты, где статуи, где песни,
Я исследил пути в огнях и без огней,
То поклонялся тем, что ярче, что телесней,
То трепетал в предчувствии теней.
И странно полюбил я мглу противоречий
И жадно стал искать сплетений роковых.
Мне сладки все мечты, мне дороги все ре-
чи,
И всем богам я посвящаю стих...

24 декабря 1899

«Ребенком я, не зная страху...»

Ребенком я, не зная страху,
Хоть вечер был и шла метель,
Блуждал в лесу, и встретил пряху,
И полюбил ее кудель.
И было мне так сладко в детстве
Следить мелькающую нить,
И много странных соответствий
С мечтами в красках находить.
То нить казалась белой, чистой;
То вдруг, под медленной луной,
Блистала тканью серебристой;
Потом слилась со мглой ночной.
Я, наконец, на третьей страже.
Восток означился, горя,
И обагрила нити пряжи
Кровавым отблеском заря!

21 октября 1900

ЛЮБИМЦЫ ВЕКОВ

АССАРГАДОН

Ассирийская надпись

Я — вождь земных царей и царь, Ассаргадон.

Владыки и вожди, вам говорю я: горе!

Едва я принял власть, на нас восстал Сидон.

Сидон я ниспроверг и камни бросил в море.

Египту речь моя звучала, как закон,

Элам читал судьбу в моем едином взоре,

Я на костях врагов воздвиг свой мощный трон.

Владыки и вожди, вам говорю я: горе!

Кто превзойдет меня? кто будет равен мне?

Деянья всех людей — как тень в безумном сне,

Мечта о подвигах — как детская забава.

Я исчерпал до дна тебя, земная слава!

И вот стою один, величием упоен,

Я, вождь земных царей и царь — Ассарга-
дон.

17 декабря 1897

ХАЛДЕЙСКИЙ ПАСТУХ

Отторжен от тебя безмолвием столетий,
Сегодня о тебе мечтаю я, мой друг!

Я вижу ночь и холм, нагую степь вокруг,
Торжественную ночь при тихом звездном
свете.

Ты жадно смотришь вдаль; ты с вышины
холма

За звездами следишь, их узнаешь и чис-
лишь,

Предвидишь их круги, склонения... Ты
мыслишь,

И таинства миров яснее для ума.

Божественный пастух! среди тиши и мра-
ка

Ты слышал имена, ты видел горний свет:

Ты первый начертал пути своих планет,

Нашел названия для знаков Зодиака.

И пусть безлюдие, нагая степь вокруг;

В ту ночь изведаль ты все счастье дерзнове-
нья,

И в этой радости дай слиться на мгновенье
С тобой, о искренний, о неизвестный друг!
7 ноября 1898

РАМСЕС

Отрывок

По бездорожьям царственной пустыни,
Изнемогая жаждой, я блуждал.
Лежал песок, за валом вал,
Сияли небеса, безжалостны и сини...
Меж небом и землей я был так мал.
И, встретив памятник, в песках забытый,
Повергся я на каменный помост.
Палили тело пламенные плиты,
И с неба падал дождь огнистых звезд.
По в полумгле томительного бреда
Нащупал надпись я на камнях тех:
Черты, круги, людские лики, грифы —
Я разбирал, дрожа, гиероглифы:
«Мне о забвеньи говорят, — о, смех!
Векам вещают обо мне победы!»
И я смеялся смыслу знаков тех
В неверной мгле томительного бреда.
— Кто ты, воитель дерзкий? Дух тревож-

ный?

Ты — Озимандия? Ассаргадон? Рамсес?
Тебя не знаю я, твои вещанья ложны!
Жильцы пустынь, мы все равно ничтожны
В веках земли и в вечности небес.
И встал тогда передо мной Рамсес.

.....

Сентябрь 1899

ЖРЕЦ ИЗИДЫ

Я — жрец Изиды светлокудрой;
Я был воспитан в храме Фта,
И дал народ мне имя «Мудрый»
За то, что жизнь моя чиста.
Уста не осквернял я ложью,
Корыстью не прельщался я,
И к женской груди, с страстной дрожью,
Не припадала грудь моя;
Давал я щедро подаянье
Всем, обращавшимся ко мне...
Но есть в душе воспоминанье,
Как змей лежащее на дне.
Свершал я путь годичный в Фивы...
На палубе я утра ждал...
Чуть Нил влачил свои разливы;

Смеялся вдалеке шакал.
И женщина, в одежде белой,
Пришла на пристань, близ кормы,
И стала, трепетно-несмело,
Там, пред порогом водной тьмы.
Дрожал корабль наш, мертвый, сонный,
Громадой черной перед ней,
А я скрывался потаенно
Меж бревен, весел и снастей.
И, словно в жажде утешенья,
Та, в белом женщина, ждала
И медлила свершить решенье...
Но дрогнула пред утром мгла...
В моей душе все было смутно,
Хотел я крикнуть — и по мог...
Но вдруг повеял ветер попутный,
И кормщик затрубил в свой рог.
Все пробудились, зашумели,
Вознесся якорь с быстротой,
Канаты радостно запели, —
Но пристань видел я — пустой!
И мы пошли, качаясь плавно,
И быстро все светлело вокруг, —
Но мне казалось, будто явно
В воде распространялся круг...

Я — жрец Изиды светлокудрой;
Я был воспитан в храме Фта,
И дал народ мне имя «Мудрый»
За то, что жизнь моя чиста.
9 марта 1900

ПСИХЕЯ

Что чувствовала ты, Психея, в оный день,
Когда Эрот тебя, под именем супруги,
Привел на пир богов под неземную сень?
Что чувствовала ты в их олимпийском
круге?

И вся любовь того, кто над любовью бог,
Могла ли облегчить чуть видные обиды:
Ареса дерзкий взор, царицы злобный
вздых,

Шушуканье богинь и злой привет Кипри-
ды!

И на пиру богов, под их бесстыдный смех,
Где выше власти все, все — боги да богини,
Не вспоминала ль ты о днях земных утех,
Где есть печаль и стыд, где вера есть в свя-
тыни!

23 декабря 1898

ЦИРЦЕЯ

Я — Цирцея, царица; мне заклятья знакомы;
Я владычица духов и воды и огня.

Их восторгом упиться я могу до истомы,
Я могу приказать им обессилить меня.

В полусне сладострастья ослабляю я чары:
Разрастаются дико силы вод и огней.

Словно шум водопадов, словно встали по-
жары, —

И туманят, и ранят, всё больней, всё
страшней.

И так сладко в бессильи неземных содрога-
ний,

Испивая до капли исступленную страсть,
Сохранять свою волю на отмеченной гра-

ни

И над дерзостной силой сохранять свою
власть.

1 августа 1899

КАССАНДРА

Пророчица Кассандра! — тень твоя,
Путь совершив к благословенной Лете,
Не обрела утех небытия,
И здесь твои мечты горят огнем столетий.
Твой дух живет в виденьях лучших дней,
Ты мыслью там, близ Иды, у Скамандра,
Ты ищешь круг тебе родных теней,
Поешь в Аиде им, пророчица Кассандра!
Зовешь вождей и, Фебом вновь полна,
Им славишь месть, надеждой пламенея, —
Что примут казнь ахейцев племена,
Во прах повергнуты потомками Энея!
Но влага Леты упоила всех,
И жажду мести пробуждать в них тщетно!
Уста героев гнет загробный смех:
Ты славишь — все молчит, зовешь — и без-
ответно!

8 марта 1898, 1923

МОИСЕЙ

Я к людям шел назад с таинственных высот,
Великие слова в мечтах моих звучали.

Я верил, что толпа надеется и ждет...

Они, забыв меня, вокруг тельца плясали.

Смотря на этот пир, я понял их, — и вот

О камни я разбил ненужные скрижали

И проклял навсегда твой избранный па-

род.

Но не было в душе ни гнева, ни печали.

А ты, о господи, ты повелел мне вновь

Скрижали истесать. Ты для толпы преступ-

ной

Оставил свой закон. Да будет так. Любовь

Не смею осуждать. Но мне, — мне недо-

ступна

Она. Как ты сказал, так я исполню все,

Но вечно, как любовь, — презрение мое.

25 апреля 1898

АЛЕКСАНДР ВЕЛИКИЙ

Неустанное стремленье от судьбы к иной
судьбе,

Александр Завоеватель, я — дрожа — мо-
люсь тебе.

Но не в час ужасных боев, возле древних
Гавгамел,

Ты мечтой, в ряду героев, безысходно овла-
дел.

Я люблю тебя, Великий, в час иного торже-
ства.

Были буйственные клики, ропот против
божества.

И к войскам ты стал, как солнце: ослепил
их грозный

взгляд,

И безвольно македонцы вдруг отпрянули
назад.

Ты воззвал к ним: «Вы забыли, кем вы бы-
ли, что теперь!

Как стада, в полях бродили, в чащу прята-
лись, как зверь.

Создана отцом фаланга, вашу мощь от-
крыл вам он;

Вы со мной прошли до Ганга, в Сарды, в Сузы, в Вавилон.

Или мните: государем стал я милостью мечей?

Мне державство отдал Дарий! скипетр мой, иль он ничей!

Уходите! путь открытый! размечите бранный стан!

Дома детям расскажите о красотах дальних стран,

Как мы шли в горах Кавказа, про пустыни, про моря...

Но припомните в рассказах, где вы кинули царя!

Уходите! ждите славы! Но — Аммона вечный сын —

Здесь, по царственному праву, я останусь и один».

От курений залы пьяны, дышат золото и шелк.

В ласках трепетной Роксаны гнев стихает и умолк.

Царь семнадцати сатрапий, царь Египта двух корон,

На тебя — со скриптром в лапе — со стены

глядит Аммон.

Стихли толпы, колесницы, на равнину пал туман...

Но, едва зажглась денница, взволновался шумный стан.

В поле стон необычайный, молят, падают во прах...

Не вздохнул ли, Гордый, тайно о своих ночных мечтах?

О, заветное стремленье от судьбы к иной судьбе.

В час сомненья и томленья я опять молюсь тебе!

Ноябрь 1899

ЛАМИЯ

В дни весенних новолуний
Приходи, желанный друг!
На горе ночных колдуний
Соберется тайный круг.
Верны сладостной Гекате,
Мы сойдемся у костра.
Если жаждешь ты объятий,
Будешь с нами до утра.
Всех красивей я из ламий!
Грудь — бела, а губы — кровь.
Я вопьюсь в тебя губами,
Перелью в тебя любовь.
Косы брошу я, как тучу, —
Ароматом их ты пьян, —
Оплету, сдавлю, измучу,
Унесу, как ураган.
А потом замру, застыну,
Буду словно теплый труп,
Члены в слабости раскину,
Яства пышные для губ.
В этих сменах наслаждений
Будем биться до утра.
Утром сгинем мы, как тени,

Ты очнешься у костра.
Будешь ты один, бессильный...
Милый, близкий! жаль тебя!
Я гублю, как дух могильный,
Убиваю я, любя.
Подчинись решенной плате:
Жизнь за ласку, милый друг!
Верен сладостной Гекате,
Приходи на тайный луг.
1900

АМАЛТЕЯ

Пустынен берег тусклого Аверна,
Дрожат кругом священные леса,
Уступы гор отражены неверно,
И, как завеса, мутны небеса.
Здесь, в тишине, в пещере сокровенной,
Внимая вечно чьи-то голоса,
Живет сибилла. Судьбы всей вселенной
Пред ней проходят, — лица, имена
Сменяются, как сны, в игре мгновенной.
И этой сменой снов потрясена,
Сама не постигая их значенья,
На свитках записать спешит она
И звуки слов, и вещи виденья,

Пророчества, и тайны божества.
И пишет, и дрожит от исступленья,
И в ужасе читает те слова...
Но кончен свиток, и со смехом, злобно,
Она его бросает и, едва
Успев взглянуть, берет другой, подобный,
И пишет вновь, в тревоге, чуть дыша.
А ветер скал лепечет стих надгробный,
Взвывает свитки и влечет, шурша.
15 февраля 1898

СКИФЫ

Если б некогда гостем я прибыл
К вам, мои отдаленные предки, —
Вы собратом гордиться могли бы,
Полюбили бы взор мой меткий.
Мне легко далась бы наука
Поджидать матерого тура.
Вот — я чувствую гибкость лука,
На плечах моих барсова шкура.
Словно с детства я к битвам приучен!
Все в раздолье степей мне родное!
И мой голос верно созвучен
С оглушительным бранным воем.
Из пловцов окажусь я лучшим,

Обгоню всех юношей в беге;
Ваша дева со взором жгучим
Заласкает меня ночью в телеге.
Истукан на середине деревни
Поглядит на меня исподлобья.
Я уважу лик его древний,
Одарить его пышно — готов я.
А когда рассядутся старцы,
Молодежь запляшет под клики, —
На куске сбереженного кварца
Начерчу я новые лики.
Я буду как все — и особый.
Волхвы меня примут как сына.
Я сложу им песню для пробы.
Но от них уйду я в дружину.
Гей вы! слушайте, вольные волки!
Повинуйтесь жданному кличу!
У коней развеваются челки,
Мы опять летим на добычу.
29 ноября 1899

КЛЕОПАТРА

Я — Клеопатра, я была царица,
В Египте правила восемнадцать лет.
Погиб и вечный Рим, Лагидов нет,
Мой прах несчастный не хранит гробница.
В деяньях мира мой ничтожен след,
Все дни мои — то празднеств вереница,
Я смерть нашла, как буйная блудница...
Но над тобой я властвую, поэт!
Вновь, как царей, я предаю томленью
Тебя, прельщенного неверной тенью,
Я снова женщина — в мечтах твоих.
Бессмертен ты искусства дивной властью,
А я бессмертна прелестью и страстью:
Вся жизнь моя — в веках звенящий стих.
Ноябрь 1899

СТАРЫЙ ВИКИНГ

Он стал на утесе; в лицо ему ветер суровый
Бросал, насмехаясь, колючими брызга-
ми пены.

И вал возносился и рушился, белоголовый,
И море стучало у ног о гранитные стены.
Под ветром уклончивым парус скользил
на просторе,

К Винландии внук его правил свой бег
непреклонный,

И с каждым мгновеньем меж ними все ши-
рилось море,

А голос морской разносился, как вопль по-
хоронный.

Там, там, за простором воды неисчерп-
но-обильной,

Где Скрелингов остров, вновь грянут губя-
щие битвы,

Ему же коснеть безопасно под кровлей мо-
гильной

Да слушать, как женщины робко лепечут
молитвы!

О, горе, кто видел, как дети детей уплыва-
ют

В страну, недоступную больше мечу и победам!

Кого и напевы военных рогов не сзывают,
Кто должен мириться со славой, уступленной дедам.

Хочу навсегда быть желанным и сильным для боя,

Чтоб не были тяжки гранитные косные стены,

Когда уплывает корабль среди шума и воя
И ветер в лицо нам швыряется брызгами иены.

12 июля 1900

ДАНТЕ

Безумцы и поэты наших дней
В согласном хоре смеха и презренья
Встречают голос и родных теней.
Давно пленил мое воображенье
Угрюмый образ из далеких лет,
Раздумий одиноких воплощенье.
Я вижу годы, как безумный бред,
Людей, принявших снова вид звериный,
Я слышу вой во славу их побед
(То с гвельфами боролись гибеллины!).
И в эти годы с ними жил и он, —
На всей земле прообраз наш единый.
Подобных знал он лишь в дали времен,
А в будущем ему виднелось то же,
Что в настоящем, — безобразный сон.
Мечтательный, на девушку похожий,
Он приучался к зрелищу смертей,
Но складки на челе ложились строже.
Он, веривший в величие людей,
Со стоном звал: пускай придут владыки
И усмирят бессмысленных детей.
Под звон мечей, проклятия и крики
Он меж людей томился, как в бреду...

О Данте! о, отверженец великий, —
Воистину ты долго жил — в аду!
6 октября 1898

ДАНТЕ В ВЕНЕЦИИ

По улицам Венеции, в вечерний
Неверный час, блуждал я меж толпы,
И сердце трепетало суеверней.
Каналы, как громадные тропы,
Манили в вечность; в переменах тени
Казались дивны строгие столпы,
И ряд оживших призрачных строений
Являл очам, чего уж больше нет,
Что было для минувших поколений.
И, словно унесенный в лунный свет,
Я упивался невозможным чудом,
Но тяжек был мне дружеский привет...
В тот вечер улицы кишели людом,
Во мгле свободно веселился грех,
И был весь город дьявольским сосудом.
Бесстыдно раздавался женский смех,
И зверские мелькали мимо лица...
И помыслы разгадывал я всех.
Но вдруг среди позорной вереницы
Угрюмый облик предо мной возник.

— Так иногда с утеса глянут птицы, —
То был суровый, опаленный лик,
Не мертвый лик, но просветленно-страст-
ный,

Без возраста — не мальчик, не старик.
И жалким нашим нуждам не причастный,
Случайный отблеск будущих веков,
Он сквозь толпу и шум прошел, как власт-
ный.

Мгновенно замер говор голосов,
Как будто в вечность приоткрылись двери,
И я спросил, дрожа, кто он таков.
Но тотчас понял: Данте Алигьери.

18 декабря 1900

ФЛОРЕНЦИЯ ДЕКАМЕРОНА

Вы, флорентинки прошлых дней! — о вас
Так ясно я мечтал в обманах лунных,
О быстром блеске ваших крупных глаз.
Сады любви в тиши оград чугунных,
Певучий говор и жемчужный смех,
Рассказы с перебоем песен струнных.
Принцессы, горожанки — здесь у всех
Веселость, острый ум, и взор лукавый,
И жажда ненасытная утех.
Красавца видя, все полны отравой,
И долго жадный взор его следит.
Для вас любовь всегда была забавой!
Вам было непонятно слово «стыд»!
Среди земных красот, земных величий
Мне флорентинки близок лживый вид,
И сладостно мне имя Беатриче.
21 июля 1900

АСТРОЛОГ

Звездное небо плывет надо мной.
Чистым сияньем сверкают планеты.
Вкруг меня движется сумрак ночной...
Тени ли мертвые светом согреты?
Вот проступают телесней, ясней
Твердые бедра и полные плечи,
Смотрят глаза из-под черных кудрей...
Сдержанный хохот, чуть слышные речи.
Вот обозначился белый хребет,
Груды повисли, согнулись колени...
В небе холодном мерцанье планет,
В небе порядок кругов и движений...
29 декабря 1899

БАЯЗЕТ

Тимур, прочтя оскорбительное
письмо Баязета, воскликнул: «Сын
Мурата сошел с ума».

Нет! не с ума сошел Муратов сын,
Ошибся ты, хромец надменный!
Но он взревел, как вольный лев долин,
Узнав, что в мире есть еще один,
Что дерзких двое во вселенной.
И степи дрогнули под звон копыт,
И шум от сшибки замер в небе.
Покой пустыни воплями был сыт,
Багряной кровью сумрак был залит,
И верен был случайный жребий.
Февраль 1899

ДОН ЖУАН

Да, я — моряк! искатель островов,
Скиталец дерзкий в неоглядном море.
Я жажду новых стран, иных цветов,
Наречий странных, чуждых плоскогорий.
И женщины идут на страстный зов,
Покорные, с одной мольбой во взоре!
Спадает с душ мучительный покров,
Всё отдают они — восторг и горе.
В любви душа вскрывается до дна,
Яснеет в ней святая глубина,
Где все единственно и неслучайно.
Да! я гублю! пью жизни, как вампир!
Но каждая душа — то новый мир
И манит вновь своей безвестной тайной.
12 мая 1900

МАРИЯ СТЮАРТ

О, если б знала ты, что пред тобою было,
Когда бежал корабль к туманной поло-
се,

От милой Франции к Шотландии немилой,
Все беды, весь позор и униженья все!
Любила ты балы и пышный чин обеден,
И отдалась стране, где властвует туман,
Где в замках дедовских строй жизни хмур
и беден

И где звучат псалмы угрюмых пуритан.
Ты страсти жаждала, как неба жаждут пти-
цы,

Вся подчинялась ей, тонула в ярких снах,
—

И слышала в ответ название блудницы,
И твой возлюбленный погиб в твоих ру-
ках.

Потом, захвачена соперницей надменной,
В тюрьме ты провлекла семнадцать гор-
дых лет,

И, наконец, без сил, к ее ногам, смиренно,
Припала ты рабой... И смерть была ответ.
О! ты ждала ее! ты, с сердцем омертвелым,

У плахи слушала последних верных плач.
Но солгала и смерть: твоим безглавым те-
лом

В последний раз насытился палач.
1901

РАЗОРЕННЫЙ КИЕВ

Четыре дня мы шли опустошенной степью.
И вот открылось нам раздолье Днепра,
Где с ним сливается Десна, его сестра...
Кто не дивится там его великолепью!
Но было нам в тот день не до земных кра-
сот!

Спешили в Киев мы — разграбленный, пу-
стынный,

Чтоб лобызать хоть прах от церкви Деся-
тинной,

Чтоб плакать на камнях от Золотых ворот!
Всю ночь бродили мы, отчаяньем объаты,
Среди развалин тех, рыдая о былом;
Мы утром все в слезах пошли своим пу-
тем...

Еще спустя три дня открылись нам Карпа-
ты.

3 ноября 1898

О ПОСЛЕДНЕМ РЯЗАНСКОМ КНЯЗЕ ИВАНЕ ИВАНОВИЧЕ

Ой вы, струночки — многозвончатые!

Балалаечка — многознаечка!

Уж ты спой нам весело

Свою песенку,

Спой нам нонче ты, нонче ты, нонче ты...

Как рязанский князь под замком сидит,

Под замком сидит, на Москву глядит,

Думу думает, вспоминает он,

Как людьми московскими без вины поло-

нен,

Как его по улицам вели давеча,

Природного князя, Святославича,

Как глядел на него московский народ,

Провожал, смеясь, от Калужских ворот.

А ему, князю, подобает честь:

В старшинстве своем на злат-стол вос-

сесть.

Вот в венце он горит, а кругом — лучи!

Поклоняются князья — Мономаховичи.

По и тех любить всей душой он рад,

В племени Рюрика всем старший брат.

Вот он кликнет клич, кто горазд воевать!

Па коне он сам поведет свою рать
Па Свею, на Литву, на поганый Крым...
(А не хочет кто, отъезжай к другим!)
Споют гусяры про славную брань,
Потешат, прославят древнюю Рязань.
Но кругом темно — тишина, —
За решеткой в окно Москва видна,
Не услышит никто удалый клич,
За замком сидит последний Ольгович.
Поведут его, жди, среди воров
На злую казнь на кремлевский ров.
Ой вы, струночки — многозвончаты!
Ой подруженька — многознаечка!
Спой нам нонче ты, спой нам нонче ты,
Балалаечка!

27 ноября 1899

НАПОЛЕОН

Да, на дороге поколений,
На пыли расточенных лет,
Твоих шагов, твоих движений
Остался неизменный след.
Ты скован был по мысли Рока
Из тяжести и властных сил:
Не мог ты не ступать глубоко,
И шаг твой землю тяготил.
Что строилось трудом суровым,
Вставало медленно в веках,
Ты сокрушал случайным словом,
Движеньем повергал во прах.
Сам изумлен служеньем счастья,
Ты, как пращой, метал войска,
И мировое самовластье
Бросал, как ставку игрока.
Пьянея славой неизменной,
Ты шел сквозь мир, круша, дробя.
И стало, наконец, вселенной
Невмоготу носить тебя.
Землядохнула полной грудью,
И ты, как лист в дыханье гроз,
Взвился, и полетел к безлюдью,

И пал, бессильный, на утес, —
Где, на раздольи одичалом,
От века этих дней ждала
Тебя достойным пьедесталом
Со дна встающая скала!
26 апреля 1901

У МОРЯ
Крым 1898–1899 г
Ревель (Катериненталь)
1900 г

«Волны взбегают и пенятся...»

Волны взбегают и пенятся,
Волны на шумном прибое;
Встанут и странно изменятся,
Гаснут в минутном покое.
Только что в дали сверкающей
Видел волны зарожденье,
Миг — и с волной отбегающей
Тихо грохочут каменя.
18 апреля 1898

«Звезда затеплилась стыдливо...»

Звезда затеплилась стыдливо,
Столпились тени у холма;
Стихает море; вдоль залива
Редее пенная кайма.
Уже погасли пятна света
На гранях сумрачных вершин, —
И вот в селеньи с минарета
Запел протяжно муэдзин.
20 апреля 1898

«У перекрестка двух дорог...»

У перекрестка двух дорог
Журчанье тихое фонтана;
Источник скуден и убог;
На камне надпись из Корана.
Здесь дышит скромный кипарис,
Здесь дремлет пыльная олива,
А ручеек сбегает вниз
К побережью вольного залива.
21 апреля 1898

«Где подступает к морю сад...»

Где подступает к морю сад,
Я знаю грот уединенный:
Там шепчет дремлющий каскад,
Там пруд недвижим полусонный.
Там дышат лавры и миндаля
При набежавшем тихом ветре,
А сзади, закрывая даль,
Уходит в небо пик Ай-Петри.
30 апреля 1898

«День растоплен; море сине...»

День растоплен; море сине;
Подступили близко горы.
Воздух чист, и четкость линий
Утомляет взоры.
Под столетним кедром — тени,
Отзвук утренней прохлады.
Слушай здесь, отдавшись лени,
Как трещат цикады.
24 июня 1898

«Весь день был тусклый, бледный и туманный...»

Весь день был тусклый, бледный и туманный;

Шли облака в уныло-смутной смене;

Свет солнца был болезненный и странный,

И от деревьев не ложилось тени.

И лишь под вечер солнце мимолетно

Вдруг озарило море, даль и горы,

Все вспыхнуло в надежде безотчетной...

Но тьма настала, и смежились взоры.

24 июня 1898

«Месяца свет электрический...»

Месяца свет электрический
В море дрожит, извивается;
Силе подвластно магической,
Море кипит и вздымается.
Волны взбегают упорные,
Мечутся, дикие, пленные,
Гибнут в борьбе, непокорные,
Гаснут, разбитые, пенные...
Месяца свет электрический
В море змеится, свивается;
Силе подвластно магической,
Море кипит и вздымается.
21 апреля 1898

«Словно птица большая...»

Словно птица большая
Неизведанных стран,
Поднялся, улетаю,
Беспощадный туман.
Поднялся и помчался
Над морской глубиной,
Развивался, свивался
И исчез за водой.
Вновь зеленые склоны
Нам открылись; и лес
Отвечал, возрожденный,
На приветы небес.
13 мая 1898

«Лежу на камне, солнцем разогретом...»

Лежу на камне, солнцем разогретом,
И отдаюсь порывам теплым ветра.
Сверкают волны незнакомым светом,
В их звучном плеске нет родного метра.
Смотрю, на волны; их неверных линий
Не угадав, смущен их вечной сменой...
Приходят волны к нам из дали синей,
Взлетают в брызгах, умирают пеной.
Кругом сверканье, говор и движенье,
Как будто жизнь, с водой борьба утесов...
Я не пойму, в чем тайный смысл волненья,
А морю не понять моих вопросов.
28 апреля 1898

«Кипит встревоженное море...»

Кипит встревоженное море,
Мягутся волны, как в плену;
Померк маяк на Ай-Тодоре,
Вся ночь приветствует луну.
Луна державно делит море:
То мрак, то отблесков игра.
И спит в серебряном просторе
Мир парусов из серебра.
27 июня 1899

«Волны приходят, и волны уходят...»

Волны приходят, и волны уходят,
Стелются пеной на берег отлогий.
По морю тени туманные бродят,
Чайки летят и кричат, как в тревоге.
Много столетий близ отмели дикой
Дремлют в развалинах римские стены.
Слушают чаек протяжные крики,
Смотрят на белое кружево пены.
30 июня 1899

«Обошла тропа утес...»

Обошла тропа утес,
Выше всходят буки.
Позади лесные звуки,
Крики птиц, и диких коз.
Впереди редееет лес,
Камни у вершины,
Ветра свист, полет орлиный,
Даль земли и даль небес.
21 июля 1899

«Небо чернело с огнями...»

Небо чернело с огнями,
Море чернело без звезд.
Плотно обложен камнями
Был изогнутый объезд.
Вниз виноградник по скату
Тихо спускался; толпой
Кустики жались брат к брату...
Помнишь? мы шли той тропой!
1899

«Белый цвет магнолий...»

Белый цвет магнолий
Смотрит, как глаза.
Страшно жить на воле:
Чуется гроза.
Волны, словно стекла,
Отражают блеск.
Чу! в траве поблеклой
Ящерицы треск.
Вкруг смотрю смущенно,
Взор в листву проник:
Там к цветку склоненный
Юный женский дик.
1899

«Облака цепляются...»

Облака цепляются
За вершины гор.
Так слова слагаются
В смутный разговор.
Горьки и томительны
Жалобы твои:
То рассказ мучительный
О былой любви.
Слушаю и думаю
Как в тяжелом сне.
Облако угрюмое
Вниз ползет ко мне.
Июль 1896

«Мерно вьет дорога...»

Мерно вьет дорога
Одинокий путь.
Я в руках у бога,
Сладко дышит грудь.
Гордо дремлют буки,
Чаща без границ.
Все согласны звуки
С голосами птиц.
Манит тихим зовом
Зашумевший ключ.
Ветки свисли кровом
От пролетных туч.
Близкий, бесконечный,
Вольный лес вокруг,
И случайный встречный
Как желанный друг.
14 июля 1899

«Ветер с моря волны гонит...»

Ветер с моря волны гонит,
Роем отмель, с сушей споря;
Ветер дым до зыби клонит,
Дым в пространствах вольных моря.
Малых лодок реет стая,
Белым роем дали нежит.
В белой пене тихо тая,
Вал за валом отмель режет.
29 мая 1900

«Из-за облака скользящий...»

Из-за облака скользящий
Луч над эмблемой водой
Разбивается блестящей,
Серебристой полосой.
И спешит волна с тревогой
В ярком свете погореть,
Набежать на склон отлогий,
Потемнеть и умереть.
5 июня 1900

«Море — в бессильном покое...»

Море — в бессильном покое,
Образ движенья исчез.
Море — как будто литое
Зеркало ясных небес.
Камни, в дремоте тяжелой,
Берег, в томительном сне,
Грезят — о дерзкой, веселой,
Сладко-соленой волне.
24 июля 1900

ЗАКАТ

Видел я, над морем серым
Змей-Горыныч пролетал.
Море в отблесках горело,
Отсвет был багрово-ал.
Трубы спящих броненосцев,
Чаек парусных стада
Озарились блеском грозным
Там, где зыблилась вода.
Сея огненные искры,
Закатился в тучу Змей;
И зажглись румянцем быстрым

Крылья облачные фей.

19 июня 1900

ЕЩЕ ЗАКАТ

*И мирный вечера пожар
Волна морская поглотила.
Тютчев*

Свой круг рисуя все ясней,
Над морем солнце опускалось,
А в море полоса огней,
Ему ответных, уменьшалась.
Где чары сумрака и сна
Уже дышали над востоком,
Всходила мертвая луна
Каким-то жаждущим упреком.
На вдоль по тучам, как убор,
Сверкали радужные пятна,
И в нежно-голубой простор
Лился румянец предзакатный.
28 июня 1900

В СТЕНАХ

«Люблю я линий верность...»

Люблю я линий верность,
Люблю в мечтах предел.
Меня страшит безмерность
И чудо божьих дел.
Люблю дома, не скалы.
Ах, книги краше роз!
— Но милы мне кристаллы
И жало тонких ос.
13 ноября 1898

«Я люблю большие дома...»

Я люблю большие дома
И узкие улицы города, —
В дни, когда не настала зима,
А осень повеяла холодом.
Пространства люблю площадей,
Стенами кругом огражденные, —
В час, когда еще нет фонарей,
А затеплились звезды смущенные.
Город и камни люблю,
Грохот его и шумы певучие, —
В миг, когда песню глубоко таю,
Но в восторге слышу созвучия.
29 августа 1898

«Когда сижу один и в комнате темно...»

Когда сижу один и в комнате темно,
И кто-то за стеной играет долго гаммы,

—
Вдруг фонари зажгут, и свет, пройдя в окно,
Начертит на стене оконные две рамы;

И мыслю я тогда, усталый и больной:
«Фонарь, безвестный друг! ты близок! ты
со мной!»

А после из-за крыш подыметя луна,
И, вспыхнув, облака уйдут как фимиамы,
И светлый луч луны, пройдя стекло окна,
Начертит явственней оконные две рамы;
О, как я оживлен! дрожа, мечтаю я:
«Луна, заветный друг! ты близко! ты —
моя!»

22 ноября 1898

«Когда опускается штора...»

Когда опускается штора
И ласковый ламповый свет
Умиряет усталые взоры, —
Мне слышится счастья привет.
Мне не нужно яркого блеска,
Красоты и величья небес.
Опустись, опустись, занавеска!
Весь мир отошел и исчез.
Со мной любимые книги,
Мне поет любимый размер.
— Да! я знаю, как сладки вериги
В глубине безысходных пещер.
3 октября 1899

«Я провижу гордые тени...»

Я провижу гордые тени
Грядущих и гордых веков,
Ушедшие в небо ступени,
Застывшие громады домов;
Улицы, кишачие людом,
Шумные дикой толпой,
Жизнь, озаренную чудом,
Где каждый миг — роковой;
Всю мощь безмерных желаний,
Весь ужас найденных слов, —
Среди неподвижных зданий,
В теснине мертвых домов.
20 марта 1899

«Жадно тобой наслаждаюсь...»

Жадно тобой наслаждаюсь,
Сумрак улиц священный!
Тайно тебе поклоняюсь,
Будущий царь вселенной!
Ты далёко руки протянешь,
В пустыни, ко льдам, на горы;
Солнечный свет затуманишь,
К полутьме приучишь взоры.
Тайно тебе поклоняюсь,
Гряди, могущ и неведом!
Пред тобой во прах повергаюсь
Пусть буду путем к победам.
27 апреля 1899

«Люблю вечерний свет, и первые ОГНИ...»

Люблю вечерний свет, и первые огни,
И небо бледное, где звезд еще не видно.
Как странен взор людей в медлительной
тени,
Им на меня глядеть не страшно и не стыд-
но.
И я с людьми как брат, я все прощаю им,
Печальным, вдумчивым, идущим в тихой
смене,
За то, что вместе мы на грани снов сколь-
зим,
За то, что и они, как я, — причастны тени.
4 — 5 октября 1899

«Мы к ярким краскам не привыкли...»

Мы к ярким краскам не привыкли,
Одежда наша — цвет земли;
И робким взором мы поникли,
Влачимся медленно в пыли.
Мы дышим комнатною пылью,
Живем среди картин и книг,
И дорог нашему бессилью
Отдельный стих, отдельный миг.
А мне что снится? — дикие крики.
А мне что близко? — кровь и война.
Мои братья — северные владыки,
Мое время — викингов времена.
9 марта 1899

«Зодчество церквей старинных...»

Зодчество церквей старинных,
Современный прихотливый свод,
Много зданий — высоких, длинных,
Улицы неуверенный поворот.
Проходящих теней вереница,
Отрывки неугаданных слов,
Женские мимолетные лица
И смутная память шагов.
15 марта 1899

«Вы, снежинки, вейте...»

Вы, снежинки, вейте,
Нас лишь пожалейте!
Вас, снежинок, много, много,
И летите вы от бога.
Где нам с вольными бороться!
Вам привольно, вам поется.
Захотите, — заметете,
Город в цепи закуете...
1899

НА ДАЧЕ

Растопленный день вечереет,
Бесцветное небо померкло,
И призрачный месяц светлее
Над редкой сеткой из веток.
Затеплились окна под крышей,
В садах освещенные пятна,
И, словно летучие мыши,
Шныряют кругом самокаты.
Апрель 1899

«Церкви, великие грани...»

Церкви, великие грани,
Голос ваш радостно строг!
В мире размеренных зданий
Смотрите вы на Восток.
Цепью застывших строений
Скованы думы и сны.
В городе вы — словно тени
Тихо встающей весны.
7 марта 1900

«Облеченные в одежды...»

Облеченные в одежды
Длинно-тяжкие, — не мы
К красоте откроем вежды,
Мы — в темницах серой тьмы.
Грез прибежище и нега,
Тело женское! — в мехах,
В шерсти, в шарфах, в царстве снега
Ты лишь безобразный прах.
Есть живое возрожденье!
Краски, розы, нагота!
Так, творите вы мгновенье...
Кто же вас творит? — Мечта.
19 января 1900

«Улицей сонной и тихой...»

Улицей сонной и тихой
В белом сиянии дня
Шел он весело, лихо...
Девушка — взоры склоня.
Он выдавался нарядом,
Хоть был некрасив, невысок;
Девушка с задумчивым взглядом
Робкий несла узелок.
Двери публичного дома
Вскрылись в сиянии дня.
Он лихо вошел, как знакомый, —
Девушка — взоры склоня.
14 марта 1900

«Месяц серпом умирающим...»

Месяц серпом умирающим
Смутно висит над деревьями;
Тени встают умоляюще,
Тянутся ветви виденьями.
Зданья одеты туманами,
Линии гаснут мучительно,
Люди — как призраки странные,
Конки скользят так таинственно.
Мир непонятно-пугающий,
Чуждая взорам вселенная!
— Месяц, лишь ты, умирающий,
Вечно твердишь неизменное.
15 декабря 1897

«Огни „электрических конок“ ...»

Огни «электрических конок»
Браздят потемневший туман,
И зов колокольчиков звонок...
Пускается в путь караван.
Там, в душную втиснут каюту,
Застывший, сроднившийся вдруг
(Друзья и враги на минуту!)
Прохожих изменчивый круг.
Беседы и облик безмолвный,
Ряды сопоставленных лиц...
О конки! вы — вольные челны
Шумящих и строгих столиц.
23 июля 1900

«Я видел искры от кирки...»

Я видел искры от кирки,
Ударившей о камень.
Вы, силы пламени, легки,
Люблю тебя, о пламень!
Ты встанешь некогда врагом,
Ты до неба воспрянешь!
И день, венчаный вечным днем,—
Я жду, — и ты настанешь!
8 марта 1900

«Словно нездешние тени...»

Словно нездешние тени,
Стены меня обступили:
Думы былых поколений!
В городе я — как в могиле.
Здания — хищные звери
С сотней несытых утроб!
Страшны закрытые двери:
Каждая комната — гроб!
16 сентября 1900

**«В борьбе с весной редет зимний
холод...»**

В борьбе с весной редет зимний холод,
Сеть проволок свободней и нежней,
Снег, потемневший, сложен в кучи, сколот,
Даль улицы исполнена теней.
Вдали, вблизи — все мне твердит о смене:
И стаи птиц, кружащих над крестом,
И ручеек, звеня, бегущий в пене, —
И женщина с огромным животом.
25 февраля 1899

ЕЩЕ СКАЗКА

ЖЕНЩИНЕ

Ты — женщина, ты — книга между книг,
Ты — свернутый, запечатленный свиток;
Ток;

В его строках и дум и слов избыток,
В его листах безумен каждый миг.

Ты — женщина, ты — ведьмовский напиток!
Ток!

Он жжет огнем, едва в уста проник;
Но пьющий пламя подавляет крик
И славословит бешено среди пыток.

Ты — женщина, и этим ты права.
От века убрана короной звездной,
Ты — в наших безднах образ божества!
Мы для тебя влечем ярем железный,
Тебе мы служим, тверди гор дробя,
И молимся — от века — на тебя!

11 августа 1899

ЛЮБОВЬ

Не мысли о земном и малом
В дыханьи бури роковой, —
И, не стыдясь святого страха,
Клони чело свое до праха.
Любовью — с мировым началом
Роднится дух бессильный твой.
Любовь находит черной тучей.
Молись, познав ее приход!
Не отдавай души упорству,
Не уклоняйся, но покорствуй!
И кто б ни подал кубок жгучий, —
В нем дар таинственных высот.
17 мая 1900

«Осенний день был тускл и скуден...»

Осенний день был тускл и скуден,
А воздух недвижимо жгуч.
Терялся луч больных полуден
В бескрайности сгущенных туч.
Шли тополя по придорожью,
Ветрам зимы обнажены,
Но маленькие листья — дрожью
Напоминали сон весны.
Мы шли, глядя друг другу в очи,
Встречая жданные мечты.
Мгновенья делались короче,
И было в мире — я и ты.
Когда, забыв о дольном плаче,
В пространствах две души летят,
Нельзя им чувствовать иначе,
Обменивая взгляд на взгляд!

23 октября 1900

«Я — мотылек ночной. Послушно...»

Я — мотылек ночной. Послушно
Кружусь над яркостью свечи.

Сияет пламя равнодушно,
Но так ласкательны лучи.
Я этой лаской не обманут,
Я знаю гибель наизусть, —
Но крылья биться не устанут,
С усладой повторяю: пусть!
Вот всё невыносимей жгучесть,
Тесней и опьяненной круг,
Так явно неизбежна участь,
Но в паданьи захвачен дух.
Хочу упиться смертью знойной,
Изведать сладости огня.
Еще один полет нестройный —
И пламя обовьет меня.
Сентябрь 1900

«По холодным знакомым ступеням...»

По холодным знакомым ступеням
Я вошел в позабытый дворец
(К поцелуям, и клятвам, и пеням),
Оглянулся, как жалкий беглец.
Здесь, ребенком, изведаль я годы,
Поклонялся величью дворца;
Словно небо, казались мне своды,
Переходы кругом — без конца.
Ликовать иль рыдать о измене?
Как все тесно и жалко теперь
(Поцелуи, и клятвы, и пени...).
...И открыл я заветную дверь.
25 января 1900

«Да, эту улицу я знаю...»

Да, эту улицу я знаю:
Все виды вдаль и каждый дом,
И я, испуганно, встречаю
Святые думы — о былом!
Я здесь, как мальчик, неумело
Условного свиданья ждал...
Зачем же то мгновенье цело,
Когда я сам — не мальчик стал!
С улыбкой, но со взором строгим
Сейчас ко мне ты подойдешь,
И будем мы, подобно многим,
В словах мешать любовь и ложь.
И, после, кисти над альковым
В позорной пляске задрожат,
И я возьму восторг готовым,
Не так, как много лет назад!
Зачем же снова, — ныне! ныне! —
За валом сумрачных годов,
Былое высится святыней,
И плакать я пред ним готов!
Как страшно здесь, где все знакомо,
Как прежде, милой встречи ждать,
Но знать, что роковой истомой

Не может сердце задрожать!

3 сентября 1900

«Строгий, холодный и властный...»

Сстрогий, холодный и властный
Свет невосшедшего дня.
Улицы мертво-бесстрастны,
Путь убегает, маня.
В светлом безмолвии утра
Двое нас в мире живых!
В облаках игра перламутра.
Румянец затепленный тих.
В ущельи безжизненных зданий
Мы дышим неземной тишиной,
В этот час не хотим ожиданий...
Довольно, что ты — со мной.
Настало что-то... Как дети,
Сознаем мы исполненный миг.
Утро в холодном свете,
Ты. лучше песен и книг!
Апрель 1900

«Роскошен лес в огне осеннем...»

Роскошен лес в огне осеннем,
Когда закатом пьян багрец,
И ты, царица, входишь к теням,
И папоротник — твой венец!
Листва живет мгновеньем пышным,
От всех надежд отрешена,
И стало будущее лишним,
И осень стала, как весна!
Но вздрогнешь ты у той поляны,
Где мой припомнится привет,
И долго будет лист багряный
Хранить замедленный твой след.
28 сентября 1900

«Я помню свет неверно-белый...»

Я помню свет неверно-белый
И запах роз, томивший нас,
Взор соблазнительно несмелый,
И этот весь вечерний час.
Мы были двое... Тени с нами.
Лишь изредка твоей руки
Касаясь жадными губами,
Дышал я таинством тоски.
И сдвинулись неслышно тени,
Все ложью опьянила мгла, —
Но правду беглых отражений
Вдаль уводили зеркала.
Апрель 1900

«В моих словах бесстыдство было...»

В моих словах бесстыдство было,
В твоих очах — упорство дня,
И мы боролись с равной силой,
Друг друга жаждя и кляня.
А мальвы листьями встречались,
Клонясь под тихим ветерком,
И сосны яростно качались
В просторе слишком голубом.
О, если каждый образ вечен
И полны прошлым небеса,
То в безднах этот миг отмечен
Как огневая полоса!

3 сентября 1900

«И снова ты, и снова ты...»

И снова ты, и снова ты,
И власти нет проклясть!
Как Сириус палит цветы
Холодным взором с высоты,
Так надо мной восходишь ты,
Ночное солнце — страсть!
Мне кто-то предлагает бой
В ночном безлюдьи, под шатром.
И я, лицом к лицу с судьбой,
И я, вдвоем с тобой, с собой,
До утра упоен борьбой,
И — как Израиль — хром!
Дневные ринутся лучи, —
Не мне пред ними пасть!
Они — как туча саранчи.
Я с богом воевал в ночи,
На мне горят его лучи.
Я твой, я твой, о страсть!
11 сентября 1900

«Я имени тебе не знаю...»

Я имени тебе не знаю,
Не назову.

Но я в мечтах тебя ласкаю...

И наяву!

Ты в зеркале еще безгрешней,

Прижмись ко мне.

Но как решить, что в жизни внешней

И что во сне?

Я слышу Нил... Закрыты ставни...

Песчаный зной...

Иль это только бред недавний,

Ты не со мной?

Иль, может, всё в мгновенной смене,

И нет имен,

И мы с тобой летим, как тени,

Как чей-то сон?..

2 октября 1900

«Мысль о тебе меня весь день ласкает...»

МЫСЛЬ о тебе меня весь день ласкает,
Как легкий, ветерок в полдневный
жар цветы;

И, слово за слово, наш разговор мелькает,
И хочется, смутясь, тебе промолвить: «ты»!
Благословляю вас, мгновенья жизни пол-
ной!

Вы к медленным часам даете волю вновь.
Так от весла, в тиши, бегут далеко волны...
На крыльях, на волнах ты мчишь меня,
любовь!

Февраль 1900

«Часы прошли, как сон изменчивый...»

Часы прошли, как сон изменчивый,
О вечер! наступай и ты,
И встречей длительной увенчивай
Весь день томившие мечты!
Любовь горит еще нетленнее,
Пройдя мучительство сует.
Так небо, серое, осеннее,
Звезды пронизывает свет.
26 сентября 1900

«Настал заветный час дремотный...»

Настал заветный час дремотный.
Без слов, покорствуя судьбе,
Клонюсь я к бездне безотчетной
С последней думой — о тебе!
В мечты мои ты льешь, царица,
Свет с изумрудного веща,
И дня прочтенная страница
Тобою дышит до конца.
13 сентября 1900

«Тоска бродячего светила...»

Тоска бродячего светила
По дерзкой вольности своей
Меня недавно осенила
В раздольи голубых полей.
Но вновь, как верная комета,
Свершив размеренный свой путь,
Я возвращаюсь к бездне света —
В сияньи солнца потонуть.
И вольность синяя забыта,
Лучи нахлынули, пьяня,
И сладостно, как власть магнита,
Влиянье жгучего огня.
23 октября 1900

«О да! Я — темный мотылек...»

Я — мотылек ночной...

В. Брюсов

О да! Я — темный мотылек,
Кружусь я, крыльями стуча;
На гибель манит огонек...
О да! я — темный мотылек,
Но я и светлая свеча.
Я чувствую свои лучи;
Их свет приветен и глубок,
И ты над пламенем свечи,
Вливая жгучие лучи,
Кружишься, белый мотылек!
И кто к кому? ко мне ли ты,
К тебе ли я, иль мы с тобой?
Твои глаза — мои ль мечты?
В тебе ли я? во мне ли ты?
— Мы оба пойманы судьбой!
23 сентября 1900

«Ты умеешь улыбаться...»

Ты умеешь улыбаться
Тихим трепетом ресниц...
Сладко в небе колыхаться
Перелетным стаям птиц.
Ты умеешь быть желанной
Сквозь вседневные слова...
Ветер дышит над саванной,
Знойно клонится трава.
Рук любовных приближенье
Нежно веет у лица...
Даль без тени и движенья,
Травы, небо без конца!
23 сентября 1900

«Сладко скользить по окраинам бездны...»

Сладко скользить по окраинам бездны,
Сладко скользить нам вдвоем.
Что ж нам приманчивей: купол ли звезд-
ный,
Пропасть ли, полная сном?
Крылья умчат ли от жизни усталой
К новой и светлой весне?
Или нам падать и биться о скалы,
Корчиться жалко на дне?
С каждым мгновеньем сознание неверней:
Хмель — так стремиться вдвоем!
Мрак за звездами и звезды по черни...
Где мы и кто, не поймем!
Снизу ль высоты, над нами ль глубины?
Как нам теперь рассмотреть?
Может быть, падая вниз со стремнины,
К звездам мы будем лететь?
Сладко скользить по окраинам бездны,
Сладко скользить нам вдвоем.
Что же приманчивей: купол ли звездный,
Пропасть ли, полная сном?
Апрель 1900

«Мне грустно оттого, что мы с тобой не двое...»

Мне грустно оттого, что мы с тобой не двое,
Что месяц, гость небес, заглянет к нам
в окно,

Что грохот города нарушит все ночное
И будет счастье тьмы меж зорь схоронено.
Мне грустно оттого, что завтра ты с други-

ми

Смешаешься в одной вскипающей волне,
И будешь между них, и будешь вместе с
ними,

И хоть на краткий миг забудешь обо мне...
О, если б быть одним, в высокой, строгой
башне,

Где ламп кровавый свет затеплен навсегда,
Где вечно только ночь, как завтра — день
вчерашний,

И где-то без конца шумит, шумит вода!
Отторжены от всех, отъяты от вселенной,
Мы были б лишь вдвоем, я — твой, ты —
для меня!

Мы были б как цари над вечностью мгновенной,

И год сменял бы год, как продолжение дня.
Декабрь 1900

МИЛАЯ ПРАВДА

ПЕРВАЯ ЗВЕЗДОЧКА

Первая звездочка! око вечернее,
Привет тебе!

Вечером сердце мое суевернее:

Молюсь Судьбе.

Первая звездочка! будь обещанием

Счастливых дней!

Слишком измучен я долгим блужданием

В кругу теней.

Глянули сестры твои, светлоокие,

Вот здесь, вот там...

Звездочки! блески! — святые, далекие!

Я верю вам!

21 мая 1897

В ДЕНЬ СВЯТОЙ АГАТЫ

6 февраля

Имя твое непорочно и свято

В кругу святых.

Примешь ли ты благодарность, Агата,

В стихах моих?

Строгой подвижницей, к высшему счастью

Стремилась ты,

Эти же строфы подсказаны страстью,

Вином мечты.

Нет! свет любви перед взором блаженных

Горит сквозь тень:

Верю, — простишь ты и нас, дерзновен-
ных,

В свой светлый день!

25 июня 1897

Я ЛЮБЛЮ...

...между двойною бездной...

Ф. Тютчев

Я люблю тебя и небо, только небо и тебя,
Я живу двойной любовью, жизнью я
дышу, любя.

В светлом небе — бесконечность: беско-
нечность милых глаз.

В светлом взоре — беспредельность: небо,
явленное в нас.

Я смотрю в пространства неба, небом взор
мой поглощен.

Я смотрю в глаза: в них та же даль — про-
странств и даль времен.

Бездна взора, бездна неба! я, как лебедь на
волнах,

Меж двойною бездной рею, отражен в сво-
их мечтах.

Так, заброшены на землю, к небу всходим
мы, любя...

Я люблю тебя и небо, только небо и тебя,
26 июня 1897

БЛИЗКОЙ

И когда меня ты убьешь,
Ты наденешь белое платье,
И свечи у трупа зажжешь,
И сядешь со мной на кровати.
И будем с тобой мы одни
Среди безмолвия ночи;
Лишь будут змеиться огни
И глядеть мои тусклые очи.
Потом загорится рассвет
И окна окрасит кровью, —
И ты засмеешься в ответ
И прильнешь к моему изголовью.
13 октября 1897

ФЕЯ ФОНТАНОВ

Ты, моя фея фонтанов,
Фея журчащих ручьев,
Ты из летучих туманов
Вестником вышла на зов.
Ты из летучих туманов
Вышла на трепетный зов
Около старых платанов
В час окликанья сов.
Около старых платанов
Слушал я оклики сов.
Высился гор-великанов
Призрак, зловеще-суров.
Призраки гор-великанов...
Тень виноградных кустов...
Ждал я желанных обманов,
Мгле доверяя свой зов.
Ждал я желанных обманов...
Ты мой услышала зов,
Ты, моя фея фонтанов,
Фея журчащих ручьев.
11 мая 1898

«И небо и серое море...»

И небо и серое море
Уходят в немую безбрежность.
Так в сердце и радость и горе
Сливаются в тихую нежность.
Другим — бушевания бури
И яростный ропот прибоя.
С тобой — бесконечность лазури
И ясные краски покоя.
На отмель идут неизбежно
И гаснут покорные волны.
Так думы с беспечностью нежной
Встречают твой образ безмолвный.
7 июня 1900

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Мы забавляемся
Нашей судьбой,
Тихо качаемся
В люльке с тобой.
Фея-кудесница
Песню поет,
К месяцу — лестница
Света ведет.
Ангелы мирные
Сходят по ней,
Светят, эфирные,
В мире теней.
Мы улыбаемся
С томной мольбой.
Тихо качаемся
В люльке с тобой...
30 января 1898

«К твоему плечу прижаться...»

К твоему плечу прижаться
Я спешу в вечерний час.
Пусть глаза мои смежатся:
Звуки стихли, свет погас.
Тихо веет лишь сознание,
Что с тобой мы здесь вдвоем,
Словно ровное мерцание
В безднах, выветренных сном.
Просыпаясь, в дрожи смутной
Протяну к устам уста:
Знать, что ты — не сон минутный,
Что блаженство — не мечта!
Засыпая, помнить буду,
Что твой милый, нежный лик
Близко, рядом, где-то, всюду, —
Мой ласкательный двойник!
И так сладко, так желанно,
На плечо припав твое,
Забывать в истоме жданной
Чье-то злое счастье... чье?
10 октября 1900

БЛИЗКИМ

К ПОРТРЕТУ ЛЕЙБНИЦА

Когда вникаю я, как робкий ученик,
В твои спокойные, обдуманые строки,
Я знаю — ты со мной! Я вижу строгий лик,
Я чутко слушаю великие уроки.

О Лейбниц, о мудрец, создатель вещей
книг!

Ты — выше мира был, как древние пророки.

Твой век, дивясь тебе, пророчеств не постиг

И с лестью смешивал безумные упреки.
Но ты не проклинал и, тайны от людей
Скрывая в символах, учил их, как детей.
Ты был их детских снов заботливый хранитель.

А после — буйный век глумился над тобой,
И долго ждал ты час, назначенный судьбой...

И вот теперь встаешь, как Властный, как
Учитель!

25 ноября 1897

К ПОРТРЕТУ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

Казался ты и сумрачным и властным,
Безумной вспышкой непреклонных
сил;

Но ты мечтал об ангельски-прекрасном,
Ты демонски-мятежное любил!
Ты никогда не мог быть безучастным,
От гимнов ты к проклятиям спешил,
И в жизни верил всем мечтам напрасным:
Ответа ждал от женщин и могил!
Но не было ответа. И угрюмо
Ты затаил, о чем томилась дума,
И вышел к нам с усмешкой на устах.
И мы тебя, поэт, не разгадали,
Не поняли младенческой печали
В твоих как будто кованных стихах!

6 — 7 мая 1900

НА СМЕРТЬ И. ЛЯЛЕЧКИНА

Набегают вечерние тени,
Погасает сиянье за далью.
Облелеянный тихой печалью,
Уронил я письмо на колени.
Облелеянный тихой печалью,
Вспоминаю ненужные грезы...
А в душе осыпаются розы,
Погасает сиянье за далью.
Да, в душе осыпаются розы.
Милый брат! ты звездой серебристой
Заблестел над тропинкой росистой,
Ты внушил нам ненужные грезы!
Милый брат! ты звездой серебристой
Заблестел на ночном небосклоне,
Но предтечей безвестных гармоний
Закатился за далью росистой.
Ты предтечей безвестных гармоний
Тихо канул в вечерние тени!
Уронил я письмо на колени,
Утонул я в ночном небосклоне...
2 марта 1895

К ПОРТРЕТУ К. Д. БАЛЬМОНТА

Угрюмый облик, каторжника взор!
С тобой роднится веток строй бессвяз-
ный,

Ты в нашей жизни призрак безобразный,
Но дерзко на нее глядишь в упор.
Ты полюбил души своей соблазны,
Ты выбрал путь, ведущий на позор;
И длится годы этот с миром спор,
И ты в борьбе — как змей многообразный.
Бродя по мыслям и влачась по дням,
С тобой сходились мы к одним огням,
Как братья на пути к запретным странам,
Но я в тебе люблю, — что весь ты ложь,
Что сам не знаешь ты, куда пойдешь,
Что высоту считаешь сам обманом.

1899

К. Д. БАЛЬМОНТУ

Нет, я люблю тебя не яростной любовью,
Вскипающей, как ключ в безбрежности
морской,

Не буду мстить тебе стальным огнем и
кровью,

Не буду ждать тебя, в безмолвной тьме, —
с тоской.

Плыви! ветрила ставь под влажным вет-
ром косо!

Ты правишь жадный бег туда, где мира
грань,

А я иду к снегам, на даль взглянуть с утеса.

Мне — строгие стези, ты — морем дух ту-
мань.

Но, гребень гор пройдя, ущелья дня и ночи,
И пьян от всех удач, и от падений пьян,
Я к морю выйду вновь, блеснет мне пена в
очи, —

И в Город я вступлю, в столицу новых
стран.

И там на пристани я буду, в час рассвет-
ный, —

Душа умирена воскресшей тишиной, —

С уверенностью ждать тебя, как сон завет-
ный,

И твой корабль пройдет покорно предо
мною.

Мой образ был в тебе, душа гляделась в ду-
шу,

Былое выше нас — мы связаны — ты мой!

И будешь ты смотреть на эту даль, на су-
шу,

На город утренний, манящий полутьмой.

Твой парус проводив, опять дорогой
встречной,

Пойду я — странник дней, — и замолчит
вода.

Люблю я не тебя, а твой прообраз вечный,

Где ты, мне все равно, но ты со мной все-
гда!

Ноябрь 1900

ЮРГИСУ БАЛТРУШАЙТИСУ

Ты был когда-то каменным утесом
И знал лишь небо, даль да глубину.
Цветы в долинах отдавались росам,
Дрожала тьма, приветствуя луну.
Но ты был чужд ответам и вопросам,
Равно встречая зиму и весну,
И только коршун над твоим откосом
Порой кричал, роняя тень в волну.
И силой нам неведомых заклятий
Отъятый от своих стихийных братии,
Вот с нами ты, бывшее позабыв.
Но взор твой видит всюду — только веч-
ность,
В твоих словах — прибой быстротечность,
А голос твой — как коршуна призыв.
Декабрь 1900

«ПРИЗРАКИ», КАРТИНА М. ДУРНОВА

Э то они — соблазненные! —
В час умилений ночных, —
Усыпленные, полусонные...
Не надо помнить об них.
Облака потянулись холодные,
Птиц таинственный рой,
Цветы раскрылись бесплодные, —
Зелень ярка под горой.
Вам близки отжившие, мертвые!
Дьяволы шепчут об чем?
Это мечты, — мечты полустертые
В одиноком, далеком былом.
11 марта 1900

Г. Г. БАХМАНУ

Вся красота тебе доступна!
Тебе ясна ее звезда:
И в глубине мечты преступной,
И в безднах рабского труда.
Толпа безвестных, безымянных,
Покорно бивших о гранит,
Среди пустынь, как сон пространных,
Воздвигла чудо пирамид.
И ты вступаешь в сонмы черни,
Ее речами говоря,
И славяшь труд, — да суеверней
Она приветствует царя.
25 ноября 1899

СЛУЧАЙНОЙ

Одна из осужденных жриц...

Chefs d'œuvre

Я люблю в глазах оплывших
И в окованной улыбке
Угадать черты любивших —
До безумья, до ошибки.
Прочитать в их лживых ласках,
В повторительных движениях,
Как в бессмертно-верных сказках,
О потерянных томленьях.
За бессилием бесстрастья,
Не обманут детской ложью,
Чую ночи сладострастья,
Сны, пронизанные дрожью,
Чтя, как голос неслучайный,
Жажду смерти и зачатий,
Я люблю за отблеск тайны
Сон заученных объятий.

5 июня 1899

ПАМЯТИ Е. И. П

Мы встретились с нею в пустыне,
Утром в пустыне.

Солнце палило песок.

Торопливо шел я — на Запад,

Она — на Восток.

Лицо ее, полное светом,

Полное светом,

Словно сияло в лучах;

И таились вещи тайны

В глубоких очах.

Надеждой сердце забилося,

Сердце забилося,

Веря, что миг тот высок...

И мы молча прошли, я — на Запад,

Она — на Восток.

28 августа 1897

ЕЙ ЖЕ

Огонь еще горит, и светит, светит нам, —
А тени серые легли по сторонам
И чутко сторожат его невольный трепет.
Но не мерцает он, и дрожь его, как лепет,
Как лепет медленный, как тихие слова.
Он шепчет свой завет пред ликом боже-
ства,
Он с нами говорит, слабеет, но сияет,
И — светлый, как всегда — покорно угаса-
ет.

7 сентября 1897

НО ПОВОДУ СБОРНИКОВ «РУССКИЕ СИМВОЛИСТЫ»

Мне помнятся и книги эти,
Как в полусне недавний день;
Мы были дерзки, были дети,
Нам все казалось в ярком свете...
Теперь в душе и тишь и тень.
Далеко первая ступень.
Пять беглых лет — как пять столетий,
22 января 1900

ПО ПОВОДУ «ME EUM ESSE»

«**О**, эти звенящие строки!
Ты сам написал их когда-то!»
— Звенящие строки далеки,
Как призрак умершего брата.
«О, вслушайся в голос подруги!
Зову я к восторгам бесстрастья!»
— Я слышу, на радостном Юге
Гремят сладострастно запястья.
«Я жду, я томлюсь одиноко,
Мне луч ни единый не светит!»
— Твой голос далеко, далеко,

Тебе не могу я ответить.

8 ноября 1897

К САМОМУ СЕБЕ

Я желал бы рекой извиваться
По широким и сочным лугам,
В камышах незаметно теряться,
Улыбаться небесным огням.
Обогнув стародавние села,
Подремав у лесистых холмов,
Раскатиться дорогой веселой
К молодой суете городов.
И, подняв пароходы и барки,
Испытав и забавы и труд,
Эти волны, свободны и ярки,
В бесконечный простор потекут.
Но боюсь, что в соленом просторе
Только сон, только сон бытия!
Я хочу и по смерти и в море
Сознавать свое вольное «я»!
28 июля 1900

КНИЖКА ДЛЯ ДЕТЕЙ

ЗЕЛЕНЫЙ ЧЕРВЯЧОК

Как завидна в час уныний
Жизнь зеленых червячков,
Что на легкой паутине
Тихо падают с дубов!
Ветер ласково колышет
Нашу веющую нить;
Луг цветами пестро вышит,
Зноя солнца не избыть.
Опускаясь, подымаясь,
Над цветами мы одни,
В солнце нежимся, купаясь,
Быстро мечемся в тени.
Вихрь иль буря нас погубят,
Смоет каждая гроза,
И на нас охоту трубят
Птиц пролетных голоса.
Но, клонясь под дуновеньем,
Все мы жаждем ветерка;
Мы живем одним мгновеньем,
Жизнь — свободна, смерть — легка.

Нынче — зноен полдень синий,
Глубь небес без облаков.
Мы на легкой паутине
Тихо падаем с дубов.
13 июня 1900

КРАСНАЯ ШАПОЧКА

Подражание Тристану Клингсору

«Красная шапочка! Красная шапочка!
Девочка, что ты спешишь?
Видишь, порхает за бабочкой бабочка,
Всюду и прелесть и тишь.
Что там уложено в этой корзиночке?»
«Яйца, и сыр, и пирог...
Ах, по росе как промокли ботиночки,
Путь так далек, так далек!»
Девочка дальше бежит все поспешнее,
Волка боится она...
Кто на пригорке сидит? — то нездешние?
Ах, это сам сатана.
В шапку с рогами и в плащ поизношенный
Он, словно нищий, одет.
Вот он навстречу встает и, непростеный,
Ей говорит свой привет.

«Ах, господин сатана, вот вы видите:

Яйца здесь, сыр и пирог.

Если сегодня меня не обидите,

На небо примет вас бог».

«Ну, покажи мне дорогу, миньоночка!» —

Поднял он руку свою,

Нож засверкал под сиянием солнышка...

Девочка! вот ты в раю.

13 января 1898

ДОЗОР

Я слежу дозором
Медленные дни.

Пред пристальным взором

Светлеют они.

Люблю я березки

В Троицын день,

И песен отголоски

Из ближних деревень.

Люблю я шум без толку,

Когда блестит мороз,

В огнях и в искрах елку,

Час свершенных грез.

И братские бокалы,

Счастье — Новый год!

Вечно неусталый
Времени оборот.
Люблю я праздник чудный
Воскресенье Христа.
Поцелуй обоюдный
Сближает уста.
И дню Вознесения
Стихи мои.
Дышит нега весенняя,
Но стихли ручьи.
Так слежу дозором
Времени оборот.
Пред пристальным взором
Прекрасен весь год.
27 декабря 1899

РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО

Он вошел к Ней с пальмовой ветвью,
Сказал: «Благословенна Ты в женах!»
И Она пред радостной вестью
Покорно склонилась во прах.
Пастухи дремали в пустыне,
Им явился ангел с небес,
Сказал: «Исполнилось ныне!» —
И они пришли в Вифлеем.
Радостью охвачен великой,
Младенца восприял Симеон:
«Отпускаеши с миром, Владыко,
Раба твоего — это Он!»
Некто, встретив Филиппа,
Говорит: «Гряди по Мне!»
И пошел рыбак Вифсаиды
Проповедовать мир земле.
Блаженны не зревшие,
Все сердцем понявшие,
В восторге сгоревшие!
Как дети,
Тайну принявшие!
Им поклоняюсь,
В их свете

Теряюсь.

Я, раб господен,

Им да буду подобен.

23 декабря 1898

ПАСХА, ПРАЗДНИКАМ ПРАЗДНИК

Проклиньте молодость,
Осуждайте девственность, —

Нам в пороке холодно,

Любим мы естественность:

Небо и воды,

Пещерные своды,

Все раздолье природы.

Не хотим мы радостей

Духа бестелесного;

Счастливы мы сладостью

Земного, известного.

Мы любим сказки,

Заката краски,

Любовные ласки.

О дети заблудшие

Мира бездольного,

Что в мире лучше

Звона колокольного

В туманной тени

Ночи весенней,
В час молений?
25 декабря 1898

В СТАРИННОМ ХРАМЕ

В этой храмине тесной,
Под расписанным сводом,
Сумрак тайны небесной
Озарен пред народом.
В свете тихом и чистом,
В легком дыме курений,
Словно в мире лучистом,
Ходят ясные тени.
Слышно детское пенье,
Славословие светам,
В сладкой смене молитвы
Умиленным ответом.
А вдали в полусвете
Лики смотрят с иконы,
К нам глядят из столетий
Под священные звоны.
29 августа 1899

СЛЕПОЙ

Люблю встречать на улице
Слепых без провожатых.
Я руку подаю им,
Веду меж экипажей.
Люблю я предразлучное
Их тихое спасибо;
Вслед спутнику минутному
Смотрю я долго, смутно.
И думаю, и думаю:
Куда он пробирается,
К племяннице ли, к другу ли?
Его кто дожидается?
Пошел без провожатого
В путину он далекую;
Не примут ли там старого
С обычными попреками?
И встретится ль тебе, старик,
Бродяга вновь такой, как я же?
Иль заведет тебя шутник
И бросит вдруг меж экипажей?
13 октября 1899

МЫШИ

В нашем доме мыши поселились

И живут, живут!

К нам привыкли, ходят, расхрабрились,
Видны там и тут.

То клубком катаются пред нами,
То сидят, глядят;

Возятся безжалостно ночами,
По углам пищат.

Утром выйдешь в зал, — свечу объели,
Масло в кладовой,

Что поменьше, утащили в щели...

Караул! разбой!

Свалят банку, след оставят в тесте,
Их проказ не счесть...

Но так мило знать, что с нами вместе
Жизнь другая есть.

8 января 1899

ДЕМОНЫ ПЫЛИ

Есть демоны пыли,
Как демоны снега и света.
Есть демоны пыли!
Их одежда, багряного цвета,
Горит огнем.
Но серым плащом
Они с усмешкой ее закрыли.
Демоны пыли
На шкапах притаились, как звери,
Глаза закрыли.
Но едва распахнутся двери,
Они дрожат,
Дико глядят;
Взметнутся, качнутся демоны пыли.
Где они победили,
Там покой, там сон, сновиденья,
Как в обширной могиле.
Они дремлют, лежат без движенья,
Притаясь в углу,
Не смотрят во мглу,
Но помнят сквозь сон, что они победили.
О демоны пыли!
Вы — владыки в красочном мире!

О демоны пыли!
Ваша власть с веками все шире!
Ваш день придет, —
И все уснет
Под тихое веянье серых воскрылий.
21 февраля 1899

КОЛЯДА

Баба-Яга
Я Баба-Яга, костяная нога,
Где из меда река, кисель берега,
Там живу я века — ага! ага!
Кощей
Я бессмертный Кощей,
Сторож всяких вещей,
Вместо каши да щей
Ем стрекоз и мышей.
Солнце
Люди добрые, солнцу красному,
Лику ясному,
Поклонитесь, улыбнитесь
Распрекрасному.
Утренняя звезда
Пробудись, земля сыра!
Ночи минула пора!

Вышла солнцева сестра!

Месяц

Я по небу хожу,

Звезды все стерегу,

Все давно заприметил,

Сам и зорек и светел.

Звезды

Мы звездочки, частые,

Золотые, глазастые,

Мы пляшем, не плачемся,

За тучами прячемся.

Радуга

Распустив волоса,

Разлеглась я, краса,

Словно путь-полоса

От земли в небеса.

Дед

Мы пришли,

Козу привели, —

Людей веселить,

Орешки дробить,

Деток пестовать,

Хозяев чествовать.

24 декабря 1900

ДЕВОЧКА

Что же ты плачешь,
Девочка, — во сне?
Голову прячешь
На грудь ко мне?
Ангел божий
Любит, если смеются.
На него похожи
Дети, когда проснутся.
Ты меня не узнала?
Прижмись ко мне.
А что тебя испугало,
Это было во сне.
6 ноября 1899

УТРО

Ночным дождем повалена,
Вся в серебре трава;
Но в облаках проталина —
Живая синева.
Шагам песок промоченный
Дает певучий скрип.
Как четки, как отточены
Верхи дубов и лип!
Цветы, в жару завялые,
Смеются мне в глаза,
И с песней птицы малые
Летят под небеса.
25 июня 1900

ПРЕД ГРОЗОЙ

В миг пред грозой набегающей трепет
Листья деревьев тревожит.
Ветер из облака образы лепит,
Формы чудесные множит.
Пыль поднялась по широкой дороге,
Громче смятение птичье.
Все на земле в ожиданьи, в тревоге.
В небе и блеск и величье.
Капель начальных послышится лепет,
Волен, певуч, многовесен...
В миг пред грозой набегающей трепет
Это ль предчувствие песен?
Июнь — июль 1900

ИЗ ДНЕВНИКА

ГЛАЗА

На берегу Мерцающих Озер
Есть выступы. Один зовут Проклятым.
Там смотрит из воды унылый взор.
Здесь входит в волны узкая коса;
Пройди по ней до края пред закатом,
И ты увидишь странные глаза.
Их цвет зеленый, но светлей воды,
Их выражение — смесь тоски и страха;
Они глядят весь вечер до звезды
И, исчезая, вспыхивают вдруг
Бесцветным блеском, как простая бляха.
Темнеют воды; тускло все вокруг.
И, возвращаясь сквозь ночной туман,
Дыша прибрежным сильным ароматом,
Ты склонен счесть виденье за обман.
Но не покинь Мерцающих Озер,
И поутру под выступом Проклятым
Ты вновь усмотришь неотступный взор.
18 июля 1898

К БОЛЬШОЙ МЕДВЕДИЦЕ

Волшебница северной ночи,
Большая Медведица, — ты
Ласкаешь усталые очи,
Смежаешь больные мечты.
В часы увлекающей встречи
Близка нам царица луна,
Мы шепчем прерывные речи,
Мы жаждем безумного сна.
Но скукой сменяется счастье,
Мы вновь безучастьем больны,
И страшен нам зов сладострастья
Всегда опьяненной луны.
И в трезвые, жгучие ночи,
Когда так бессильны мечты,
Ласкаешь усталые очи,
Большая Медведица, — ты!
25 июля 1898

ВЕЛИЧАНИЕ

Величит душа моя господя,
И дух мой восторженно-радостен!
Источник молитвы так сладостен,
Но дерзостным нет к нему доступа.
Сама я печатью таинственной
Колодец любви опечатала,
И ужас на дне его спрятала,
Мучительный ужас, единственный.
Я слышу поток его внутренний,
Но дерзостным нет к нему доступа.
И радостно славлю я господя
Молитвой вечерней и утренней.
27 июля 1898

ТЕНИ ПРОШЛОГО

Осенний скучный день. От долгого дождя
И камни мостовой, и стены зданий се-
ры;

В туман окутаны безжизненные скверы,
Сливаются в одно и небо и земля.

Близка в такие дни волна небытия,
И пет в моей душе ни дерзости, ни веры.
Мечте не унести в живительные сферы,
Несмело, как сквозь сон, стихи слагаю я.

Мне снится прошлое. В виденьях полусон-
ных

Встает забытый мир и дней, и слов, и лиц.

Есть много светлых дум, погибших, погребенных, —

Как странно вновь стоять у темных их
гробниц

И мертвых заклинять безумными слова-
ми!

О тени прошлого, как властны вы над на-
ми!

Апрель 1898

ВИЛА

Я тебе скажу, мой милый,
Что над нами веют силы:
Властны в смене впечатлений
Духи, демоны и тени.
Ведь душа людей — родник,
Где глядится каждый миг
Неизменно новый лик,
Странен, волен и велик.
Образ женский недоступный,
Призрак дьявольский преступный,
Старца взор невозмутимый,
Ведьмы, эльфы, херувимы.
Днем вы слепнете вполне,
Смутно грезите во сне.
Жизнь — как отблеск на волне,
Нет волнения в глубине.
И в тиши, всегда бесстрастной,
Тайне мира сопричастной,
Властны в смене отражений
Духи, демоны и тени.
17 августа 1899

ЗВЕЗДА МОРЕЙ

*La mer sur qui prie
La vierge Marie.
P. Verlaine[2]*

И нам показалось: мы близко от цели.
Вдруг свет погас,
И вздрогнул корабль, и пучины взревели...
Наш пробил час.
И был я проклятием богу исполнен,
Упав за борт,
И три дня носился по пенистым волнам,
Упрямым и гордым.
Но в миг, как свершались пути роковые
Судьбы моей,
В сиянии предстала мне Дева Мария,
Звезда морей.
30 августа 1897

К МЕТАЛЛАМ

Золото, убранство тайного ковчега,
Где хранят издревле благостные мощи,
Золото, добыча хищного набега,
Золото, ты символ сладострастной мощи,
И в твоём сверканьи медленная нега.
Серебро сияет тихо на иконе,
Мученице юной покрывает плечи,
Серебро так ясно в перелетном звоне,
Голос серебристый мне звучал предтечей
Прежде недоступных сладостных гармо-
ний.

И люблю я бронзу: сумрачные тени
Томной баядерки в роскоши вечерней.
В твердости изгибов столько легкой лени,
Отблески так чисты на холодной черни!
Да, люблю я в бронзе тайну отражений.
Но не эти тени дороги в металле!
Не сравню их блески я с кинжальным
блеском!

Змеи резких молний быстро засверкали,
Я прильнул, ревнивый, к белым занавес-
кам...

Ты — моя надежда, мщенье верной стали!

29 августа 1899

ЗА ПРЕДЕЛАМИ СКАЗОК

Они сошлись в дубраве дикой,
Они столкнулись в летний день,
Где луг, поросший повиликой,
Огородила сосен тень.
Она, смеясь, в притворном страхе,
На мягкий мох упала вдруг;
Любовь и страсть была в размахе
Высоко приподнятых рук.
Он к ней припал с веселым криком,
В борьбе порвал ей волоса...
Пронзительно в молчаньи диком
Их раздавались голоса.

29 августа 1899

СЛУЧАЙНОСТИ

Я верю всегдашним случайностям,
Слежу, любопытствуя, миги.
Так сладко довериться крайностям,
Вертепы менять на вериги.
Раздумья свободно качаются,
Покорны и рады мгновенью;
И жизнями жизни сменяются...
Действительность кажется тенью.
Я быть не желаю властителем
Судьбы, подчинившейся мере.
Иду я по звездным обителям,
Вскрывая безвестные двери.
Все дни направляются случаем, —
Могу упиваться я всеми, —
И ночи подобны созвучиям
В одной беспредельной поэме.
1 — 3 сентября 1900

ДАЧИ ОСЕНЬЮ

Люблю в осенний день несмелый
Листвы сквозящей слушать плач,
Вступая в мир осиротелый
Пустынных и закрытых дач.
Забиты досками террасы,
И взор оконных стекол слеп,
В садах разломаны прикрасы,
Лишь погреб приоткрыт, как склеп.
Смотрю я в парки дач соседних,
Вот листья ветром взметены,
И трепеты стрекоз последних,
Как смерть вещающие сны.
Я верю: в дни, когда всецело
Наш мир приветит свой конец,
Так в сон столицы опустелой
Войдет неведомый пришлец.
8 сентября 1900

ПЕСНЯ

Мне поется у колодца,
Позабыт кувшин.
Голос громко раздается
В глубине долин.
Приходи, мой друг желанный!
Вот тебя я жду.
Травы — одр благоуханный,
В скалах грот найду.
Нет, никто, никто доньше
Не ласкал меня!
Грудь и плечи, как святыни,
Охраняла я.
День настал. Иди, желанный!
Кто ты — знает бог!
Травы — одр благоуханный,
Мягок серый мох.
Оплету, вот так, я руки, —
Спи между грудей.
Вечер. Гаснут, гаснут звуки.
Где ты, сын полей?
Жду кого-то у колодца;
Позабыт кувшин;
Песня громко отдается

В тишине долин.

Апрель 1900

ПАПОРОТНИК

Предвечерний час объемлет
Окружающий орешник.
Чутко папоротник дремлет,
Где-то крикнул пересмешник.
В этих листьях слишком внешних,
В их точеном очертаньи,
Что-то есть миров нездешних...
Стал я в странном содроганьи,
И на миг в глубинах духа
(Там, где ужас многоликий)
Проскользнул безвольно, глухо
Трепет жизни жалкой, дикой.
Словно вдруг стволами к тучам
Вырос папоротник мощный.
Я бегу по мшистым кучам...
Бор не тронут, час полнощный.
Страшны люди, страшны звери,
Скалят пасти, копыта точат.
Все виденья всех поверий
По кустам кругом хохочут.
В сердце ужас многоликий...

Как он жив в глубинах духа?
Облик жизни жалкой, дикой
Закивал мне, как старуха.
Предвечерний час объемлет
Окружающий орешник.
Небо древним тайнам внемлет,
Где-то крикнул пересмешник.
23 июля 1900

ЖИЗНЬ

Подобна жизнь огням потешным,
Раскрасившим пустую тень.
Они сияют пляскам грешным,
Но зажжены в Успенъев день.
Поют псалмы о смерти близкой
И славят первую из дев, —
А мы меняемся запиской,
Обеты прежние презрев.
Но будет ночь свиданья краткой,
И глянет бледный свет утра,
И смерть предстанет нам с разгадкой
И бросит вечное «пора!».
А там, где цвел огонь потешный,
Одни фонарики дрожат,
И два садовника поспешно

Пустынный подметають сад,
3 сентября 1900

ПРОЗРЕНИЯ

В НЕКОНЧЕНОМ ЗДАНИИ

Мы бродим в неконченном здании
По шатким, дрожащим лесам,
В каком-то тупом ожидании,
Не веря вечерним часам.
Бессвязные, странные лопасти
Нам путь отрезают... мы ждем.
Мы видим бездонные пропасти
За нашим неверным путем.
Оконные встретив пробоины,
Мы робко в пространства глядим:
Над крышами крыши надстроены,
Безмолвие, холод и дым.
Нам страшны размеры громадные
Безвестной растущей тюрьмы.
Над безднами, жалкие, жадные,
Стоим, зачарованы, мы.
Но первые плотные лестницы,
Ведущие к балкам, во мрак,
Встают как безмолвные вестницы,
Встают как таинственный знак!

Здесь будут проходы и комнаты!
Здесь стены задвинутся сплошь!
О думы упорные, вспомните!
Вы только забыли чертеж!
Свершится, что вами замыслено,
Громада до неба взойдет
И в глуби, разумно расчисленной,
Замкнет человеческий род.
И вот почему — в ожидании
Не верим мы темным часам:
Мы бродим в неконченном здании,
Мы бродим по шатким лесам!

1 февраля 1900

В ДНИ ЗАПУСТЕНИИ

Приидут дни последних запусцении.
Земные силы оскудеют вдруг;
Уйдут остатки валких поколений
К теплу и солнцу, на далекий Юг.
А наши башни, города, твердыни
Постигнет голос Страшного суда,
Победный свет не заблестит в пустыне,
В ней не взгремят по рельсам поезда.
В плюще померкнут зодчего затеи,
Исчезнут камни под ковром травы,
На площадях плодиться будут змеи,
В дворцовых залах поселятся львы.
Но в эти дни последних запусцении
Возникнет — знаю! — меж людей смельчак.

Он потревожит гордый сон строений,
Нарушит светом их безмолвный мрак.
На мшистых улицах заслышат звери
Людскую поступь в ясной тишине,
В домах застонут, растворяясь, двери,
Ряд изваяний встанет при огне.
Прочтя названья торжищ и святилиц,
Узнав по надписям за ликом лик,

Пришлец проникнет в глубь книгохрани-
лиц,

Откроет тайны древних, наших книг.

И дни и ночи будет он в тревоге

Впивать вещанья, скрытые в пыли,

Исканья истины, мечты о боге,

И песни, гимны сладостям земли.

Желанный друг неведомых столетий!

Ты весь дрожишь, ты потрясен былым!

Внемли же мне, о, слушай строки эти:

Я был, я мыслил, я прошел как дым...

18 сентября 1899

БРАНЬ НАРОДОВ

Брань народов не утихнет

Вплоть до дня, когда придет

Власть имеющий антихрист —

Соблазнять лукавый род.

Возопит он гласом громким:

«Славьте! дьявол победил!

Где вы, верные потомки

Отступивших древле сил?»

И на зов повыйдут люди

Ото всех семи границ.

Говоря — «мы верны будем»,

Пред царем поникнут ниц,
Царь, во лжи многообразный,
Свергнет пышности порфир,
В мире к вящему соблазну
Установит вечный мир.
И когда тем едким ядом
Помутится жизнь до дна,
Вдруг, восстав в глубоком аде,
Восхохочет сатана.
Дико дьяволы завторят,
И из дебрей синих гор,
Как лучи над темным морем,
Выйдет праведников хор.
А для грешных ярче вспыхнет
В преисподней столп огня...
Брань народов не утихнет
Вплоть до сказанного дня.
18 августа 1899

БРАТЬЯМ СОБЛАЗНЕННЫМ

Светлым облаком плененные,
Долго мы смотрели вслед.
Полно, братья соблазненные!
Это только беглый свет.
Разве есть предел мечтателям?
Разве цель нам суждена?
Назовем того предателем,
Кто нам скажет — здесь она!
Разве редко в прошлом ставили
Мертвый идол Красоты?
Но одни лишь мы прославили
Бога жажды и мечты!
Подымайте, братья, посохи,
Дальше, дальше, как и шли!
Паруса развейте в воздухе,
Дерзко правьте корабли!
Жизнь не в счастье, жизнь в искании,
Цель не здесь — вдали всегда.
Славьте, славьте неустаннее
Подвиг мысли и труда!
12 июня 1899

КАЖДЫЙ МИГ

Каждый миг есть чудо и безумье,
Каждый трепет непонятен мне,
Все запутаны пути раздумья,
Как узнать, что в жизни, что во сне?
Этот мир двояко бесконечен,
В тайнах духа — образ мой исчез;
Но такой же тайной разум встречен,
Лишь взгляну я в тишину небес.
Каждый камень может быть чудесен,
Если жить в медлительной тюрьме;
Все слова людьми забытых песен
Светят таинством порой в уме.
Но влечет на ярый бой со всеми
К жизни, к смерти — жадная мечта!
Сладко быть на троне, в диадеме,
И лобзать покорные уста.
Мы на всех путях дойдем до чуда!
Этот мир — иного мира тень,
Эти думы внушены оттуда,
Эти строки — первая ступень.
5 сентября 1900

УСТОИ

Рассудка вечные устои
Влегли в недремлющую грудь,
И в жажде ведать неземное
Ты должен горы пошатнуть.
Кто без руля в пучинах плавал,
Ветрилом ветры все ловил,
Тому предстанет бледный дьявол
С толпами разъяренных сил.
Сквозь бешенство, и вопль, и скрежет
Он к синим молниям влечет,
Но этот свет минутно нежит,
И вновь кипит круговорот!
Ценой нарушенных согласий,
Ценой и мук и слепоты,
Лишь проблеск в беспокойном часе,
Мгновенье покупаешь ты.
Но кто готов отвергнуть миги
И ждать десятки строгих лет, —
Надень кровавые вериги,
Скажи молитвенный обет.
И, чуток к углубленной вере,
Вдруг колыхнет, лаская слух,
В заветный час в твоей пещере

Струю эфира Светлый Дух.
И глянешь ты смелей и зорче
За тьму завес, что он расторг,
Чем тот, кто ведал смех, и корчи,
И пифий яростный восторг.
8 августа 1900

ПРОБЛЕСК

*Как то предвидел Дух и Даниил пред-
рек.*
Ф. Тютчев

Восток и Запад, хитрый Змей и Лев,
Ведут борьбу издревле, век за веком.
То скрытный ков, то справедливый гнев
Возносят стяг пред робким человеком.
Вот, собраны под знаменьем Креста,
На Западе роятся ополченья,
И папской власти высится мечта,
И цепи мировой куются звенья.
А на Востоке буйствует гроза,
Ликуют орды турок и Батыя,
И Русь бежит за реки и в леса,
И в тяжелой брани никнет Византия...
Но мир меняют тайны быстрых лет.

Чу! не мечи стучат, — то гром орудий!
За океаном вскрылся Новый Свет,
И над Крестом смеются буйно люди!
А на Востоке вновь встает колосс,
Безвестный, грозный, странно-неизмен-
ный...

И, как предвестье новых страшных гроз,
Свой скиптр с Крестом возносит над все-
ленной.

Творятся чудеса недавних дней,
Для трезвой мысли тем чудней, чем бли-
же:

То франк в Москве-реке поит коней,
То русский царь вершит судьбу в Париже.
За диким сном мятущихся веков,
За яркой сменой дерзостных событий,
Как взору разглядеть канву основ,
Те белые натянутые нити?
Кто угадает роковой узор,
Причудливый, живой, необычайный?
Кто смело скажет, что окончен спор,
Все решено и быть не может тайны?
И Змей и Лев, среди равнин и рек,
Ужель отныне мирно лягут рядом?
Но Дух предвидел, Даниил предрек:

Славянский стяг зареет над Царьградом!
Январь 1900

ОТРАДЫ

Знаю я сладких четыре отрады.

Первая — радость в сознании жить.

Птицы, и тучи, и призраки — рады,

Рады на миг и для вечности быть.

Радость вторая — в огнях лучезарна!

Строфы поэзии — смысл бытия.

Тютчева песни и думы Верхарна,

Вас, поклоняясь, приветствую я.

Третий восторг — то восторг быть люби-

мым,

Ведать бессменно, что ты не один.

Связаны, скованы словом незримым,

Двое летим мы над страхом глубин.

Радость последняя — радость предчув-

ствий,

Знать, что за смертью есть мир бытия.

Сны совершенства! в мечтах и в искусстве

Вас, поклоняясь, приветствую я!

Радостей в мире таинственно много,

Сладостна жизнь от конца до конца.

Эти восторги — предвестие бога,

Это — молитва на лоне Отца.
28 апреля 1900

Мы

Мы

В мире широком, в море шумящем
Мы — гребень встающей волны.
Странно и сладко жить настоящим,
Предчувствием песни полны.
Радуйтесь, братья, верным победам!
Смотрите на даль с вышины!
Нам чуждо сомненье, нам трепет неведом,
Мы — гребень встающей волны.
4 апреля 1899

Я ЗНАЮ...

К. Д. Бальмонту

Я знаю беглость Ночи и Зимы,
Молюсь уверенно Заре и Маю.
Что в будущем восторжествуем мы,
Я знаю.
Я власть над миром в людях прозреваю.
Рассеется при свете сон тюрьмы,
И мир дойдет к предсказанному раю.
Не страшно мне и царство нашей тьмы:
Я не один спешу к иному краю,
Есть верный друг в пути! — что двое мы,
Я знаю!

6 декабрь 1898

ЛЮЦИФЕР

Я — первый, до века восставший,
Восставший до начала веков.

Я — первую заповедь давший:

Есть много богов.

О, будемте все, как боги,

Познавши добро и зло.

К совершенству путей есть много,

Их безмерно число.

Я начал для всех борьбу роковую,

За свободу идет борьба;

Победитель, за вас о победе тоскую,

И тут не властна судьба.

1898

ЗАЛОГ

К нам немного доходит из прошлого мира,
Из минувших столетий, — немного
имен;

Только редкие души, как луч Алтаира,
Как звезда, нам сияют из бездны времен.
И проходят, проходят, как волны, как тени,
Бесконечно проходят века бытия...
Сколько слез, и желаний, и дум, и стремле-

ний!

Миллионы погибших, исчезнувших «я»!
Одиноким мне видится образ Гомера,
Одиноким сверкает с небес Алтаир...

Но в мечтах предо мной — неизвестная
сфера

И близ яркой звезды умирающий мир.

24 мая 1898

CORONA

Тайны, что смутно светятся,
 знаком заветным отметятся.
Придут победители-воины,
Будут их силы утроены.
Погаснет безвольное, старое...
Истина скажет нам: «Дарую!»
Плачьте в предчувствии нового,
Украшайте венцами головы:
 знаком великим отметится
Все, что в тумане нам светится.
20 августа 1898

ЖЕРНОВА

Брошен веялкой на холод,
Жерновами тяжело смолот,
Мертвый колос возрожден.
Но остался прах зыбучий.
Он летит бескрылой тучей,
Заслоня небосклон.
И стучат, стучат, не станут,
Словно стихнув, лишь обманут,
Не устанут жернова;
Неизменно мелют, мелют
И струю слоями стелют,
И она опять жива.
А вдали, под светом неба,
Отделяют прах от хлеба,
Вышли веять на гумно.
Пусть познает обновленье,
В смерти вкусит возрожденье
Только полное зерно!
Декабрь 1898

ДУХИ ЗЕМЛИ

Со всеми мы братья,
Всем открыли объятья,
Зверям, и тучам,
И теням летучим.
Всех любим, всем верим,
Смеемся потерям
И взором незрячим
Лишь над вымыслом плачем,
Смолк птичий голос,
Не шелохнется колос,
Запахло осокой,
Солнце высоко,
Мы дремлем в покое,
Купаемся в зное.
Ветерок встрепенется,
Лес шелохнется,
Все звуки мы слышим,
Цветами дышим,
С нами дружны грозы,
Небесные слезы.
Поем мы с морем,
Ласкаемся к зорям,
В холоде снега

Для нас есть нега, —
И только людям
Друзьями не будем,
И только в город
Не глянем и взором!
1898

ЗОЛОТО

*Avec un peu de soleil et du sable blond
J'ai fait de l'or.
Fr. Vielé Griffin[3]*

Золото сделал я, золото —
Из солнца и горсти песку.
Тайна не стоила дорого,
Как игра смешна старику.
Падал песок из рук у меня,
Тихо звеня,
В волны ручья.
Ручей ускользал, как змея,
Дрожа от ветра и холода...
Золото сделал я, золото!
Из пшеницы белеющей сделал я снег,
Снег и декабрьскую вьюгу,
Саней заметаемый бег,

Девушки радостный смех
И близость к желанному другу.
Я сделал снег,
Как сделал золото;
Я сделал вьюгу, счастье холода;
Во мгле властительных снегов —
Воспоминания цветов.
Я сделал снег
Из лепестков.
Из жизни медленной и вялой
Я сделал трепет без конца.
Мир создан волей мудреца:
И первый свет зелено-алый,
И волн встающие кристаллы,
И тени страстного лица!
Как все слова необычайны,
Так каждый миг исполнен тайны.
Из жизни бледной и случайной
Я сделал трепет без конца!
23 июля 1899

«Бузмолвные свидетели...»

Бузмолвные свидетели
Вечерних сожалений,
Меня перстом отметили
Собравшиеся тени.
Отвергнуты, обмануты,
Растоптаны, добиты,
Но все вы упомянуты
И все с мечтами слиты.
И слезы — не отчаянье!
И стон — не символ мщенья!
О благостное чаянье
Всемирного прощенья!
22 мая 1899

ЕЩЕ «МЫ»

Мы только стон у вечной грани,
Больные судороги рук,
Последний трепет содроганий
В часы неотвратимых мук.
Все наши думы, грезы, пени —
То близких сдержанная речь,
Узоры пышных облачений
И дымы похоронных свеч.
Что ж! полно ликовать ошибкой!
В испуге не закроем глаз!
О братья, — слушайте с улыбкой:
Поют отходную по нас.

22 августа 1899

«Поклоняются многие мне...»

Поклоняются многие мне
В часы вечерние,
Но молитвы к бледной луне
Еще размернее!
Женщины, лаская меня,
Трепетали от счастья,
Но искали они — знаю я —
И сладострастия.
Фимиам, делимый с другим,
Дышит обидою.
О сумрак! о волны! о дым!
Вам завидую.
Уступить даже проклятья и смех
Нарушение цельности.
Я хочу быть единым для всех
В беспредельности.
27 марта 1899

«С неустанными молитвами...»

С неустанными молитвами,
Повторяемыми вслух,
Прохожу я между битвами,
Ускользящий, как дух.
От своих друзей отторженный,
Предвещаю я венцы;
И на голос мой восторженный
Откликаются бойцы.
Но настанет миг — я ведаю —
Победят мои друзья,
И над жалкой их победою
Засмеюся первым — я.
23 июля 1899

«Случайность и намеренность...»

Случайность и намеренность

Их разум разделил,
Не верю я в уверенность
И в силу наших сил.
Творим мы волю божию,
Намеренья Судьбы, —
Идем по бездорожию
В оковах, как рабы.
Но жажда совершенного —
Величия залог.
Мы выше мира тленного,
И в наших душах — бог.
22 июля 1900

ЛИРИЧЕСКИЕ ПОЭМЫ

КРАСКИ

Я сегодня нашел свои старые краски.
Как часто взгляд на забытый предмет
Возвращает все обаянье ускользнувших
лет!

Я сегодня нашел мои детские краски...
И странный отрок незванно ко мне вошел
И против меня уверенно сел за стол,
Достал, торопясь, тяжелую тетрадь...
Я ее не мог не узнать:
То были мои забытые, детские сказки!
Тогда я с ним заговорил; он вздрогнул, по-
смотрел

(Меня не видел он, — я был для него при-
виденьем),

Но через миг смущенья он собой овладел
И ждал, что будет, с простым удивленьем.
Я сказал: «Послушай! я тебя узнаю.
Ты — это я, я — это ты, лет через десять...»
Он засмеялся и прервал: «Я шуток не люб-
лю!»

Я знаю лишь то, что можно измерить и взвесить.

Ты — обман слуха, не верю в действительность твою!»

С некоторым гневом, с невольной печалью
Я возразил: «О глупый! тебе пятнадцать лет.

Года через три ты будешь бредить безвестной далью,

Любить непонятное, стремиться к тому, чего нет.

Вселенная жива лишь духом единым и чистым,

Материя — призрак, наше знание — сон...»

О боже, как искренно надо мной рассмеялся он,

И я вспомнил, что был матерьялистом и позитивистом.

И он мне ответил: «О, устарелые бредни!
Я не верю в дух и не хожу к обедне!

Кто мыслит, пусть честно служит науке!
Наука — голова, а искусство — руки!»

«Безумец! — воскликнул я, — знай, что ты будешь верить!

Будешь молиться и плакать пред Знаком
креста,

Любить лишь то, где светит живая мечта,
И все проклянешь, что можно весить и ме-
рять!»

«Не думаю, — возразил он, — мне ясна моя
цель.

Я, наверно, не стану петь цветы, подобно
Фету.

Я люблю точное знание, презираю сви-
рель,

Огюст Конт навсегда указал дорогу поэту!»

«Но, друг, — я промолвил, — такой ли те-
перь час?

От заблуждений стремятся все к новому
свету!

Тебе ли вновь повторять, что сказано тыся-
чу раз!

Пойми тайны души! стань кудесником, ма-
гом...»

«Ну, нет, — он вскричал, — я не хочу
остаться за

флагом!»

«Что за выражения! ах да! ты любишь
спорт...

Все подобное надо оставить! стыдись, будь же горд!»

«Я — горд, — он воскликнул, — свое значенье я знаю.

Выступаю смело, не уступлю в борьбе!
Куда б ни пришел я, даже если б к тебе, —
Приду по венкам! — я их во мгле различаю!»

И ему возразил я печально и строго:
«Путь далек от тебя ко мне,
Много надежд погибнет угрюмой дорогой,
Из упований уступишь ты много! ах, много!

О, прошлое! О, юность! кто не молился весне!»

И он мне: «Нет! Что решено, то неизменно!
Не уступлю ничего! пойду своим путем!
Жаловаться позорно, раскаянье презренно,
Дважды жалок тот, кто плачет о былом!»
Он стоял предо мной, и уверен и смел,
Он не видел меня, хоть на меня он смотрел,

А если б увидел, ответил презреньем,
Я — утомленный, я — измененный, я — уступивший

судьбе,

Вот я пришел к нему; вот я пришел к себе!

—
В вечерний час пришел роковым привиде-
нием...

И медленно, медленно образ погас,

И годы надвинулись, как знакомые маски.

Часы на стене спокойно пробили час...

Я придвинул к себе мои старые, детские
краски.

17 декабря 1898

СКАЗАНИЕ О РАЗБОЙНИКЕ

Из Пролога

Начинается песня недлинная,
О Петре, великом разбойнике.

Был тот Петр разбойником тридцать лет,

Меж товарищей почитался набольшим,

Грабил поезда купецкие,

Дельвал дела молодецкие,

Ни старцев не щадил, ни младенцев.

В той же стране случился монастырь свя-
той,

На высокой горе, на отвесной, —

Меж землей и небом висит, —
Ниоткуда к монастырю нет доступа.
Говорит тут Петр товарищам:
«Одевайте меня в платье монашеское.
Пойду, постучусь переходим странником,
Ночью вам ворота отопру,
Ночью вас на грабеж поведу,
Гей вы, товарищи, буйные да вольные!»
Одевали его в платье монашеское,
Постучался он странником под ворогами.
Впустили его девы праведные,
Обласкали его сестры добрые,
Омыли ноги водицею,
Приготовили страннику трапезу.
Сидит разбойник за трапезой,
Ласке-любви сестер удивляется,
Праведными помыслами их смущается,
Что отвечать, что говорить — не знает.
А сестры близ в горенке собирались,
Говорили меж собой такие слова:
«Видно, гость-то наш святой человек,
Такое у него лицо просветленное,
Такие у него речи проникновенные.
Мы омыли ему ноги водицею,
А есть у нас сестра слепенькая.

Не омыть ли ей зрак той водицею?»
Призывали они сестру слепенькую,
Омывали ей зрак той водицею, —
И прозрела сестра слепенькая.
Тут все бежали в горенку соседнюю,
Падали в ноги все пред разбойником,
Благодарили за чудо великое.
У разбойника душа смутилася,
Возмутилася ужасом и трепетом.
Творил и он — земной поклон,
Земной поклон перед господом:
«Был я, господи, великим грешником,
Примешь ли ты мое покаяние!»
Тут и кончилась песня недолгая.
Стал разбойник подвижником,
Надел вериги тяжелые,
По всей земле прославился подвигами.
А когда со святыми преставился, —
Мощи его и поныне чудеса творят.

28 августа 1898

АГНАТ

Финикийский рассказ

*Женская звезда — планета Истар: она
такова на закате. Мужская звезда —
планета Истар: она такова при восхо-
де.*

*Из текстов в библиотеке Асурбанипа-
ла*

АСТАРТА СИДОНСКАЯ

Небесная девственница,

Богиня Астарта,

В торжестве невинности ты стоишь предо
мною.

Длинная лестница,

Освещенная ярко,

А за дверью во храме смутный сумрак ноч-
ной.

Я знаю, божественная, —

Ты отблеск Ашеры,

Богини похоти и страстных ночей.

Теперь ты девственна!

Насладившись без меры,

Ты сияешь в венце непорочных лучей.

Утомленная условностями,
Вчера, о Астарта,
Прокляла я с восторгом твой возвышен-
ный зов.

Я искала греховности,
Ласк леопарда,
Бессилья и дрожи бесконечных часов.
Но сегодня, о девственница,
Тебе, не Ашере,
Приношу на алтарь и мечты и цветы.
Освещенная лестница,
И за сумраком двери
Возвращенье к невинности... да! я — как
ты.

I

Ей было имя Аганат. Она
Прекрасней всех в Сидоне. В темном взоре
Сверканье звезд ночных, а грудь бледна.
В дни юности она познала горе:
Ее жених, к сидонским берегам
Не возвратись, погиб безвестно в море.
И, девственность принеся в дар богам,
Она с тех пор жила как жрица страсти,
А плату за любовь несла во храм.
Чуть подымались в дали синей снасти,

Она спешила на берег, ждала,
Встречала моряков игрой запястий,
И, обольщенного, к себе вела,
В свой тесный дом, на башенку похожий,
Где в нижней комнате царила мгла
И возвышалось каменное ложе.
Никто не забывал ее ночей!
Из всех гетер платили ей дороже, —
Но каждый день входили гости к ней.
И от объятий в вихре наслажденья,
От тел, сплетенных, словно пара змей,
Означилось на камне углубленье.

II

Когда бы маг, искусный в звездочтеньи,
Составил летопись судеб твоих,
Ее прочел бы он в недоуменьи.
Так! — не погиб в скитаньях твой жених:
В стране далекой он томился пленным,
За годом годы, как за мигом миг.
Он жил рабом, отверженцем презренным,
Снося обиды, отирая кровь,
Но в сердце он остался неизменным:
К тебе хранил он прежнюю любовь,
Живя все годы умиленной верой,
Святой надеждой: все вернется вновь!

И, не забыт владычицей Ашерой,
Он наконец покинул горький плен,
Бежал, был принят греческой триерой
И счастливо добрался в Карфаген.
Отсюда путь на родину свободный!
И он плывет, и ждет сидонских стен,
Как алчет пищи много дней голодный,
И молится: «Пусть это все не сон!»
Но только берег встал над гладью водной,
Едва раздался с мачты крик: «Сидон!» —
Иное что-то вдруг открылось думам,
Своей мечты безумье понял он
И замер весь в предчувствии угрюмом.

III

И жизнь и шум на пристани Сидона
В веселый час прихода кораблей:
И весел мерный плеск в воде зеленой,
Канатов скрип, и окрики людей,
И общий говор смешанных наречий...
Но горе тем, кто не нашел друзей,
Кто был обманут вожделенной встречей!
Для тех гетеры собрались сюда,
Прельщают взглядом, обнажили плечи.
Как жаждал он хоть бледного следа
Былого! — Тщетно! Что воспоминанья

Нетленно проносили сквозь года,
Исчезло все. Сменились очертанья
Залива; пристань разрослась с тех пор,
Столпились вокруг неведомые зданья.
Нигде былого не встречает взор...
Лишь моря шум твердит родные звуки,
Да есть родное в высях дальних гор.
«Пятнадцать лет! пятнадцать лет разлуки!
Искать друзей иль убежать назад?»
Но вдруг до плеч его коснулись руки.
Он смотрит: золото, браслетов ряд,
И жгучий взор под бровью слишком чер-
ной.

«Моряк, пойдем! на нынче ты мой брат!»
И за гетерой он идет покорный.

IV

Не начато вино в больших амфорах,
Он с ней не рядом (то недобрый знак),
И мало радости в упорных взорах.
Глядит он молча за окно, во мрак;
Ее вопросы гаснут без ответа;
Он страшен ей, задумчивый моряк.
Но сознает она всю власть обета.
Рукой привычной скинут плащ. Спеши!
Она зовет тебя полураздетой.

Но он, — томим до глубины души, —
Садится к ней на каменное ложе,
И вот они беседуют в тиши.

«Зачем меня ты позвала?» — «Прохожий,
Ты так хорош». — «Ты здешняя?» — «О да!»
«Что делала ты прежде?» — «Да все то же».
«Нет, прежде! Ты была ведь молода,
Быть может, ты любила...» — «Я не сказки
Рассказывать звала тебя сюда!»

И вдруг, вскочив, она спешит к развязке,
Зовет его. Но, потупляя взгляд,
Не внемлет он соблазнам слов и ласке.
Потом, глухим предчувствием объят,
Еще вопрос он задает подруге:
«А как зовут тебя?» — «Я — Аганат!»
И вздрогнул он и прынул прочь в испуге.

V

О, велика богиня всех богинь,
Астарта светлая! ты царствуешь всевласт-

но

Над морем, над землей, над сном пустынь.
Ты видишь все, все пред бессмертной ясно;
Твое желанье — всем мирам завет;
Дрожат и боги — пред тобой, прекрасной!
Когда свершилась эта встреча, свет

Твоей звезды затмился на мгновенье...
Но благи твоей предела нет.
Решила ты, — исполнено решенье.
И в тот же миг рассеялись года,
Как смутный сон исчезли поколенья,
Восстали вновь из праха города,
Вернулись к солнцу спавшие в могиле,
Все стало вновь как прежде, как тогда.
Все о недавнем, как о сне, забыли.
Был вечер. Аганат и с ней жених
Опять в лесу за городом бродили.
И длинный спор, как прежде, шел у них:
До свадьбы он хотел пуститься в море,
Искать богатства в городах чужих.
А ей была разлука эта — горе.
«Не уезжай! на что богатство нам!»
И, этот раз, он уступил ей в споре.
И в день, когда, отдавшись парусам,
Его корабль ушел по глади синей,
Они торжественно пошли во храм —
Свои обеты повторить богине.

19 декабря 1897 — 4 октября 1898

ЦАРЮ СЕВЕРНОГО ПОЛЮСА

ВСТУПЛЕНИЯ

1

Много было песен сложено
О твоей стране бесследной.
Что возможно, невозможно, —
Было все мечтой изведано.
К этой грани недоступной
Шли безумные, отважные,
Но их замыслы преступные
Погасали в бездне влажной.
Эти страны неизвестные
Открывали дали сказкам...
Тем, кому в пределах тесно,
Эти сказки были ласками.

2

Если был победитель, тебя развенчавший,
о Полюс,
Имя его отошло в тихую тайну веков.
Люди наших дней не победы ищут, а сла-
вы;
Сладок им не венец, — рукоплесканья вен-
цу.
О, великая сладость — узнав, утаить от все-

ленной!

Мне довольно знать, — что я свершил, —
одному.

I

Свен Краснозубый врагам улыбался, бурь не
боялся,

Викинг великий, кликнул он клич по Нор-
вегии.

Собрались бойцы могучие:

Эрик, вскормленный тучами,

Аунд, прославленный скальдами,

Горм с сыновьями, с двумя Освальдами,

С ними со всеми сорок дружинников.

Не долго бойцы собирались,

На корабль садились, — смеялись.

Навсегда с друзьями прощались.

Жена поплачет — утешится,

Друг погрустит — другого найдет,

Старуха-мать все равно умрет.

Плыть все вдаль —

Не печаль.

Где волна,

Там весна.

Есть топор, —

Будет свор!

Бой в руке держу!
Если ж скальда нет,
Песнь и сам сложу
В честь побед!

II

Скрылся в налете тумана Скрелингов остров, земля;

Дрожью святой Океана зыблется дрожь корабля.

Море, и небо, и море — к Северу путь без границ;

Дико звучат на просторе крики чудовищных птиц.

Медленно ходят по воле первые дерзкие льды. —

Викингам любо раздолье, дали холодной воды.

Любит безвестности Эрик, далью захвачен варяг

(Где-нибудь выглянет берег, где-нибудь встретится враг!).

Знает он все побережья, всюду рубиться был рад:

С Русью ходил в Обонежье, плавал по рекам в Царь-град,

Грабил соборы Севильи, видел останки
Афин...

Парус, развейся, как крылья! челн, полети,
как дельфин!

Анунд, скиталец утрюмый, смотрит на зы-
би зыбей.

Вольно ширяется дума в волнах, как птица
морей.

Истинный викинг ни ночи в хижине дым-
ной не спит,

Истинный викинг не хочет на ночь пове-
сить свой щит;

Пенистый рог не веселье пить среди жен-
щин и дев;

В челнах — всегда новоселье, в волнах —
не молкнет напев.

Горм распахнул свою шубу, вновь он дово-
лен судьбой:

Скоро заслышит он трубы, трубы, зовущие
в бой.

Выйдет старик, как берсеркер, душу поте-
шит в бою...

Дуй, куда вздумаешь, ветер! мчи, куда хо-
чешь, ладью!

С кем бы ни бой, что за дело! Горм жаждет

биться сплеча!

Страшно в жилище у Гелы, жданная
смерть — от меча.

К Северу взором прикован, Свен не уйдет
от руля.

Зовом мечты зачарован, правит он бег ко-
рабля.

Скоро во мраке засветит полночи чара —
Звезда;

Свен, весь дрожа, ей ответит, верен он ей
навсегда.

Товарищам лучшая доля — битвы и крики
врагов,

Но властная воля стремится их в области но-
чи и льдов.

Затмился налетом тумана Скрелингов ост-
ров, земля;

Дрожью святой Океана зыблется дрожь ко-
рабля.

III

Пышны северные зимы, шестимесячные
ночи!

Льды застыли, недвижимы, в бахrome из
снежных клочий.

Волны дерзкие не встанут, гребни их в сне-

гу затихли,

Ураган морской, обманут, обо льды стучится в вихре.

Чаще царствует молчанье, сон в торжественной пустыне;

Мир без грез, без содроганья, в полутьме немеет, стынет.

Совершая путь урочный, круг вокруг Царицы Ночи,

Звезд девичник непорочный водит пламенные очи.

Им во льдах зеркальных снятся — двойники, земные сестры,

На снегах они дробятся, словно луч цветной и пестрый.

Ослепляя блеском горы, между них в потоке звездном,

Вдруг спадают метеоры, торопясь от бездны к безднам.

Часто, звездный блеск смиряя, расстилаясь, будто знамя,

В небе с края и до края пламя движется столбами.

Нет им грани, очертанья: в смене рдяных освещений

Царь полярного сиянья гонит сумрачные тени,

Создает деревья, травы, высылает птиц чудесных, —

Сам смеется на забавы, — царь в неизвестностях небесных.

А когда застонет буря, снег подымет, как тучи;

Брови белые нахмуря, Один ринется могучий.

Дев-валькирий вереницы заторопят черных коней,

Будут крики без границы, будет стук мечей о брони,

Будет скачка, пляска, бубны, будет бой в безумном вое...

Из могил на голос трубный встанут древние герои.

Пышны северные зимы, хороши морозом жгучим!

Дни проходят, словно дымы, дни подобны снежным тучам.

Поспешай на быстрых лыжах, взор вперяя в след олений,

Жди моржей космато-рыжих, бей раскиди-

стых тюленей,

Встреть уверенной острой хмурых мед-
ленных медведей, —

Смейся, смейся над тревогой, в песнях ду-
май о победе!

Пышны северные зимы, образ будущей Ва-
лгаллы!

Дни проходят, словно дымы, время веч-
ность оковала.

IV ПЕСНЯ СВЕНА

«Одна на полюсе небесном
Царит бессменная Звезда,
Манит к пределам неизвестным,
Снов не обманет никогда.
В круговращеньи вольно-смелом
Летит над нами небосвод:
Она в восторге онемелом
Из праха к горнему влечет.
Я схвачен беспощадным зовом,
Как парус ветром, — увлечен;
Жених невесте верен словом,
С Звездой небес я обручен.
Ах, знаю! мощь в руке все та же,
Мой взор пронзителен и смел,
Я б побороться с силой вражей

Как в годы подвигов сумел.
Но, верен высшему запрету,
Страстей волну я превозмог.
Так! путник я, идущий к свету,
Я — вестник, ставший на порог.
Друзья, друзья! взметайте чаши!
Над снежной кровлей блещет твердь.
Нет, не солгали клятвы наши:
Я вас туда влеку, где смерть!»

И плыли они над холодной водой,
И ветры по снастям свистели;
Зима надвигалась грозой ледяной,
Приветствия ей они пели.
Их легкие челны томились в плену,
Но, дерзкие, в хижине дымной,
Пируя, они величали весну,
С метелью спевались их гимны.
И ветер весенний вздувал паруса,
И кони морские, все в пене,
Бросались в пучину, зажмурив глаза,
За брызгами пряча колени.
И плыли, и пели, в метели, в грозе,
Морской возрастающей степью,
Вождю-предводителю верные все,

С ним связаны клятвенной цепью.
И много могил, неоплаканных тел
Корабль в безызвестности бросил,
Но что им за дело! ведь парус их цел,
Есть копья для боя, есть руки для весел!

V

Пойте печальные песни,
Ветер, месяц, туман!
Плачьте на Полюсе вечном,
Дети пламенных стран.
Волны идут издалека,
Ветер свистит одиноко,
Месяца тусклое око
Всюду глядит в Океан.
Пойте на Полюсе вечном
О торжестве скоротечном,
Дети пламенных стран.
Плачьте на ранней могиле,
Где Эрик-скиталец зарыт;
Мечты его дальше стремили,
На пути он выронил щит.
В скале, в причудливом гроте,
Горма покоится прах;
Он погиб на веселой охоте,
Умер с острой в руках.

Освальды, ободряя друг друга,
В непогоду пошли за моржом;
И засыпала шумная вьюга
Братьев в объятых вдвоем.
Любя бушевание влаги,
Любовались бойцы на шквал;
Утром сочлись варяги, —
Анунда никто не видал.
И погибли все сорок, все сорок!
Спят под водой и во льдах,
Но Тор, кому храбрый дорог,
Их примет в своих полях.
Славьте на Полюсе вечном,
Павших в упорной борьбе,
Глядевших в лицо судьбе,
Погибших в молчаньи беспечном,
Славьте на Полюсе вечном,
Волны, месяц, туман!
Пойте хвалебные песни,
Дети пламенных стран!

VI

Тени ходят, ветер веет,
Океан о камни бьет,
И замедлить жизнь не смеет
Свой развернутый полет.

Часть морей купая в зное,
Часть прохладам удел я,
Ни на миг не спит в покое
Солнцу верная Земля.
Солнце, искра в сонмах млечных,
Увлекает путь слуги.
Пики гор остроконечных
Чертят бешено круги.
Без предела, без начала
Этот бег вперед, вперед!
Вечность в прошлом миновала,
Вечность нынче настает.
И только один лишь утес недвижимо
На Север подьемлет чело.
Вы, ветры, его обтекаете мимо,
Ты, время, встревожить его не могло.
Когда-то взглянул он восторженным оком
На мертвую прелесть Полярной звезды,
И долго смотрел, и во сне одиноким
Он замер, застыл, оковался во льды.
Пронизан восторгом, с тех пор неизменно
Века он следит за избранной Звездой.
Смеется Звезда, как царица вселенной,
И вокруг нее сестры идут чередой.
Кто нарушил мир заветный,

Тишину великих вод,
И вступил в приют запретный,
И упал на вечный лед?
На снегах, в степях бесплодных,
Сон друзей его глубок...
Произволу волн свободных
Предоставил он челнок.
Тот челнок лежит разбитый,
Кончен дерзкий переезд.
Словно в храмине открытой,
Свен следит за бегом звезд.
Их стремится вереница,
Но над ним — в ответ мечте —
Стала Севера царица
Прямо, в ясной высоте.
Сердце большего не просит,
К цели жизни Свен проник.
Так. Звезда сиянье бросит
На его померкший лик.

VII
ГОЛОСА СТИХИЙ
Земля

Я — Земля, я — косность мира,
Сотворила горы, скалы,
Твердь гранита и порфира,

Грани малого кристалла.
Я дала приюты тучам,
На груди подъяла море,
Я полна огнем текучим...
Кто со мной, с могучей, в споре?
Сестры, братья! славьте Землю!
Славьте косность и пределы!
Все держу я, все объемяю,
Вас родню, — и мной вы целы!

Вода

Я — Вода. Я в вечной смене.
В дрожи долгой не устала...
Корни тянутся растений,
Стадо к речке побежало.
Жизнь воды многообразна:
Петь ручьем, летать туманом,
Зацветать в озерах праздну,
Выть и биться океаном.
Сестры, братья! славьте воды!
Славьте жизнь и переливы!
Я — движение Природы,
Вас влеку, — и мной вы живы.

Огонь

Я — Огонь. Мой лик случаен,
Вольной прихоти послушен.

Целый мир не мной ли спаян?
Мною будет мир разрушен!
Я ползу. Я дик и злобен;
Спать умею в камне малом;
Лгать, притворствоваться способен,
Но встаю до неба жалом.
Сестры, братья! славьте пламя
(Очи блещут, очи красны)!
Я — над миром битвы знамя,
Вас гублю, но мной вы властны.

Воздух

Воздух я, незрим, неслышен,
Я проник в глубины скважин.
Но огонь не мной ли пышен?
Я водой дышу — и влажен.
Я ласкаю розы мая;
В буре вею, беспощаден;
Землю вздохом обтекая,
В голубом плаще наряден.
Славьте воздух! сестры, братья!
Облака меня колышат,
Горы принял я в объятия,
Всех люблю, — все мною дышат.

Все вместе

Если к тайне заповеданной

Взор, единой думе преданный,
С дерзкой радостью проник, —
Не покинем мы беспечности:
Было то однажды в вечности,
Было — лишь на беглый миг.
Но да будет он единственный!
Этот день, как сон таинственный,
Скроем мы в святую тьму.
Мы засыплем гроб неведомый.
Слишком громкими победами
Не гордиться никому!
Мы даем обет молчания.
Мы задвинем край изгнания
Бездной вихрей и пучин.
И о том, что тайны видены,
Что прошел ты путь неиденный,
Будешь знать лишь ты один.

Земля

Даю обет молчания;
От века я молчу.

Вода

Я знаю; только знания
В мгновенной смене мчу.

Огонь

Я — ложь. Твержу неверное,

Не знаю истин я.

Воздух

Мое движенье мерное —
Безмолвная струя.

VIII

Свен Краснозубый, на Полюсе диком
Ты встретил смиряющий сон.
Снова кругом всё в молчаньи великом,
Ясен и тих небосклон.
На конях свободных, бурных
От высот своих лазурных
Под военные напевы
И к тебе слетели девы.
Ты достоин чести бранной,
Ты — валькирий гость желанный.
На тебя из той страны
Благосклонно смотрят деды:
Ты погиб не в день войны, —
В день победы!
Встретишь ты в полях Валгаллы
Всех, кому был в жизни люб.
Ты войдешь, пловец усталый,
Под веселый голос труб.
Там, с семьей других героев,
Уготован, ждет приют.

Все для игр и славных боев
Дни бестенные найдут.
Может быть, где отдых сладок,
Обретет душа твоя
Мир от тягостных загадок,
Вечных в бездне бытия.

IX Голос

Я вам принес благую весть,
Мечты былых веков:
Что в мире много истин есть,
Как много дум и слов.
Противоречий сладких сеть
Связует странно всех:
Равно и жить и умереть,
Равны Любовь и Грех.
От дней земли стремись в эфир,
Следи за веком век:
О, как ничтожен будет мир,
Как жалок человек!
Но, вздрогнув, как от страшных снов,
Пойми — все тайны в нас!
Где думы нет — там нет веков,
Там только свет — где глаз.
Стихий бессильна похвальба,

То — мрак души земной.
К победе близится борьба, —
Дышу, дышу весной!
И что в былом свершилось раз,
Тому забвенья нет.
Пойми — весь мир, все тайны в нас,
В нас Сумрак и Рассвет.
1898–1900

ПРЕДАНИЕ О ЛУНЕ

Баллада

*В старинном замке Джен Вальмор
Чуть ночь — звучат баллады.
К. Бальмонт*

В былые дни луна была
Скиталицей-кометой.
С беспечной вольностью плыла
От света и до света.
Страна цветов, она цвела,
Вся листьями одета.
Там жили семьи, племена
Таинственных растений,
Им богом мысль была дана
И произвол движений;

И шла меж царствами война,
Бессменный ряд сражений.
Трава глушила злобный лес,
Деревья мяли траву,
Душител-плющ на пальму лез,
Шли ветви на облаву...
И ночью пред лицом небес
Шумели все про славу.
И в день заветный, в мире том
(Конечно, словом божьим)
Возрос цветок — смешной стеблем,
На братьев непохожим.
И, чуждый браням, жил он сном,
Всегда мечтой тревожим.
Он грезил о ином цветке,
Во всем себе подобном,
Что дремлет, дышит — вдалеке,
На берегу несходном,
И видит свой двойник в реке,
С предчувствием бесплодным.
И в эти дни вошла луна
В тот мир, где солнце властно,
И песнь планет была слышна
Хвалой единогогласной,
Но с ней, как чуждая струна,

Сливался зов неясный.
Да! кто-то звал! да, кто-то смел
Нарушить хор предвечный!
Пел о тщете великих дел,
О жажде бесконечной;
Роптал, что всем мечтам предел
Так близко — пояс млечный!
Да! кто-то звал! да, кто-то пел
С томленьем постоянства!
И на цветке в ответ горел
Узор его убранства.
И вдруг, нарушив тяжесть тел,
Он ринулся в пространство.
Тянулся он, и рос, и рос,
Качаясь в темных безднах...
Доныне отблеск вольных грез
Дрожит в пучинах звездных.
А братья жили шумом гроз —
Забытых, бесполезных.
И вдруг, ему в ответ, — вдали
Другой качнулся стебель.
Кто звал его, — цветок с земли, —
Повис, — в пучине ль, в небе ль?
И две мечты свой путь нашли:
Сплелся со стеблем стебель!

Восторгом пламенным дана
Победа — связи тленной.
Стеблем цветка укреплена,
Луна осталась пленной.
И с этих пор до нас — она
Наш спутник неизменный.
Цветы истлели в должный миг,
В веках, давно пройденных, —
Но жив тот свет, что раз возник
В мирах соединенных.
И озаряет лунный лик
Безумных и влюбленных.
17 июля 1900

ЗАМКНУТЫЕ

Сатирическая поэма

I

Я год провел в старинном и суровом,
Безвестном Городе. От мира ограждаясь,
Он не хотел дышать ничем живым и но-
вым.

Почти порвав с шумящим миром связь.
Он жил былым, своим воспоминаньем,
Перебирая в грезах быль и сны,
И весь казался обветшалым зданьем,
Каким-то сказочным преданьем
О днях далекой старины.
Казалось мне: он замкнут безнадежно.
Давила с севера отвесная скала,
Купая груди в облачном просторе,
С востока грань песков, пустыня, стерегла.
А с двух сторон распростиралось море,
Безлюдно, беспощадно, безнадежно.
На пристани не раз, глаза с тоской при-
лежной
В узоры волн колеблемых вперив,
Следил я, как вставал торжественный при-

ЛИВ,

Как облака неслись — вперед и мимо, мимо...

Но не было вдали ни паруса, ни дыма —
Никто не плыл к забытым берегам...

Лишь абрис острова порой мелькал мне там,

Где явственно заря, когда без солнца светит,

Границу кругозора метит,

Но гасло все в лучах, мне памятно едва,
Все в благостный простор вбирала синева,
И снова мир был замкнут безнадежно.
Весь Город был овеян тайной лет.

Он был угрюм и дряхл, но горд и строен.

На узких улицах дрожал ослабший свет,
И каждый резкий звук казался там утроен.

В проходах темных, полных тишины,
Неслышно прятались пристанища торгов-

ли;

Углами острыми нарушив ход стены,

Кончали дом краснеющие кровли;

Виднелись с улицы в готическую дверь

Огромные и сумрачные сени,

Где вечно нежились сырые тени...

И затворялся вход, ворча, как зверь.
Из серых камней выведены строго,
Являли церкви мощь свободных сил.
В них дух столетий смело воплотил
И веру в гений свой, и веру в бога.
Передавался труд к потомкам от отца,
Но каждый камень, взвешен и размерен,
Ложился в свой черед по замыслу творца.
И линий общий строй был строг и верен,
И каждый малый свод продуман до конца.
В стремленьи ввысь, величественно сме-
лом,

Вершилось здание свободным острием,
И было конченным, и было целым,
Спокойно замкнутым в себе самом.
В музеях запертых, в торжественном по-
кое,

Хранились бережно останки старины:
Одежды, утвари, оружие былое,
Трофеи победительной войны —
То кормы лодок дерзких мореходов,
То кубки с обликом суровых лиц,
Знамена покорявшихся народов
Да клювы неизвестных птиц.
И все в себе былую жизнь таило,

Иных столетий пламенную дрожь.
Как в ветер верило истлевшее ветрило!
Как жаждал мощных рук еще сверкавший
нож!..

А все кругом пустынно-глухо было.

II

Я в их церквах бывал, то пышных, то пустынных.

В одних всё статуи, картины и резьба,
Обряд, застывший в пышностях старинных,

Бессмысленно-пустая ворожба!

Над миром скованным гудящий вопль органа,

Зов пастыря — как божий голос — строг,
Вещает он с Синая, из тумана,

Лишь «Dominus vobiscum!» — «с вами бог!».

В других церквах восторг опустошенья,
На черных стенах цифры, ряд страниц;
Молящиеся, в чинном исступленьи,
Кричат псалмы, как стаи хищных птиц.
Но вопль органа вдруг — замрет, как самый камень.

Друг другу повторив, что это лишь обряд,
Они для памяти причастие творят,

И пастырь в сюртуке вещает важно:
«Амен».

Я залы посещал ученых заседаний
И слушал с ужасом размерность их речей.
Казалось мне: влекут кумир огромный
Знаний

Покорные быки под щелканье бичей.
Глубокой колеей, со стоном, визгом, гро-
мом,

Телега тянется — в веках намечен путь, —
Все было в тех речах безжалостно-знако-
мым,

И в смене скучных слов не изменялась
суть.

Однажды ошибаясь при выборе дороги,
Они упрямо шли, глядя на свой компас.
И был их труд велик, шаги их были строги,
Но уводил их прочь от цели каждый час!
К художникам входил я в мастерские.
О бедность горькая опустошенных дум!
Искусство! вольная стихия!
Сюда не долетал твой вдохновенный шум!
Художник быть не может не пророком,
И рабство с творчеством согласовать нель-
зя!

Кто не прошел пустынь в томленьи одино-
ком,

Не знает, где лежит святой мечты стезя!

В искусстве важен искус строгий.

Прерви души мертвящий плен

И выйди пламенной дорогой

К потоку вечных перемен.

Твоя душа — то ключ бездонный.

Не замыкай истомных уст.

Едва ты встанешь, утоленный,

Как станет мир — и сух и пуст.

Так! сделай жизнь единой дрожью,

Люби и муки до конца,

Упейся истиной и ложью, —

Во имя кисти и резца!

Не будь скован и любовью,

Бросайся в пропасти греха,

Пятнай себя священной кровью, —

Во имя лиры и стиха!

Искусство жаждет самовластья

И души черпает до дна.

Едва душа вздохнет о счастье, —

Она уже отрешена!

А жизнь кругом лилась, как степью льются

ВОДЫ.

Как в зеркале, днем повторялся день,
С покорностью свой круг кончали годы,
С покорностью заря встречала тень.

Случалось в праздник мне, на площадь
выйдя рано,

Зайти в собор с толпой нарядных дев.

Они молились там умильно, и органа
Я слушал в их кругу заученный напев.

Случалось вечером, взглянув за занавески,
Всецело выхватить из мирной жизни миг:

Там дремлют старики, там звонок голос
детский,

Там в уголке — невеста и жених.

И только изредка над этой сладкой прозой
Вдруг раздавалась песнь ватаги рыбаков,

Идущих улицей, да грохотал угрозой
Далекий смех бесчинных кабаков.

За городом был парк, развесистый и ста-
рый,

С руиной замка в глубине.

Туда под вечер приходили пары —
«Я вас люблю» промолвить при луне.

В воскресный летний день весь город ра-
тью чинной

Сходиллся там — мечтать и отдохнуть.
И восхищались все из года в год руиной,
И ряд за рядом совершали путь.
Им было сладостно в условности давнишней,

Казались сочтены движенья их.
Кругом покой аллея был радостен и тих,
Но в этой тишине я был чужой и лишней.
Я к пристани бежал от оскорбленных лип,
Чтоб сердце вольностью хотя на миг рас-
трогать,

Где с запахом воды сливал свой запах де-
готь,

Где мачт колеблемых был звучен скрип.
О пристань! я любил твой неумолчный
скрип,

Такой же, как в былом, дошедший из сто-
летий, —

И на больших шестах растянутые сети,
И лодки с грузом серебристых рыб.
Любил я моряков нахмуренные взоры
И твердый голос их, иной, чем горожан.
Им душу сберегли свободные просторы,
Их сохранил людьми безлюдный океан.
Там было мне легко. Присевши на бочо-

НОК,

Я забывал тюрьму меня обставших дней,
И облака следил, как радостный ребенок,
И волны пели мне всё громче, всё ясней.
И ветер с ними пел; и чайки мне кричали;
Что было вокруг меня, все превращалось в

ЗОВ...

И раскрывались вновь торжественные да-
ли:

Пути, где граней нет, простор без берегов!

IV

И понял я, что здесь царил кумир единый:
Обычной внешности. Пред искренностью
страх

Торжествовал и в храме и в гостинной,
В стихах и вере, в жестах и словах.

Жизнь, подчиненная привычке и условию,
Елеем давности была освящена.

Никто не смел — ни скорбью, ни любовью
Упитья, как вином пылающим, до дна;
Никто не подымал с лица холодной маски,
И каждым взглядом лгал, и прятал каждый

крик;

Расчетом и умом все оскверняли ласки
И берегли свой пафос лишь для книг!

От этой пошлости, обдуманной, привычной,
ной,

Как жаждал, хоть на час, я вольно отдохнуть!
нуть!

Но где в глаза живым я мог, живой, взглянуть?
нуть?

Там, где игорный дом, и там, где дом публичный!
личный!

Как пристани во мгле, вы высились, дома,
И люди знали вновь, отдавшись вашей власти,
власти,

Все беспристрастие и купли и найма,
Паденья равенство и откровенность страсти!
сти!

Кто дни и месяцы (актеры и рабы!)
Твердили «строгий долг» и «скорбь об идеале»,
але»,

Преобразясь в огне желаний и борьбы,
То знали ненависть, то чувственно стонали,
ли,

То гнулись под рукой Слепой Судьбы!
Когда по городу тени
Протянуты цепью железной,
Ряды безмолвных строений
Оживают, как призрак над бездной.

Загораются странные светы,
Раскрываются двери, как зевы,
И в окнах дрожат силуэты
Под музыку и напевы.
Раскрыты дневные гробницы,
Выходит за трупом труп.
Загораются румянцем лица,
Кровавится бледность губ.
Пышны и ярки одежды,
В волосах алмазный венец.
А взглядишь в утомленные вежды,
Ты узнаешь, что пред тобой мертвец.
Но страсть, подчиненная плате,
Хороша в огнях хрусталей;
В притворном ее аромате
Дыханье желанней полей.
И идут, идут в опьяненьи
Отрешиться от жизни на час,
Изведать освобожденье
Под блеском обманных глаз, —
Чтоб в мире, на свой непохожем,
От свободы на миг изнемочь.
Тот мир ничем не тревожим,
Пока полновластна ночь.
Но в тумане улицы длинной

Забелеет тусклый рассвет.
И вдруг все мертво и пустынно,
Ни светов, ни красок нет.
Безобразных, грязных строений
Тают при дне вереницы,
И женщин белые тени,
Как трупы, ложатся в гробницы.

V

И страшная мечта меня в те дни томила:
Что, если Город мой — предвестие веков?
Что, если Пошлость — роковая сила,
И создан человек для рабства и оков?
Что, если Город мой — прообраз, первый,
малый,
Того, что некогда жизнь явит в полноте,
Что, если мир, унылый и усталый,
Стоит, как странник запоздалый,
К трясине подойдя, на роковой черте?
И, как кошмарный сон, виденьем беспо-
щадным,
Чудовищем размеренно-громадным,
С стеклянным черепом, покрывшим шар
земной,
Грядущий Город-дом являлся предо мной.
Приют земных племен, размеченный по

числам,

Обязан жизнию (машина из машин!)

Колесам, блокам, коромыслам,

Предвидел я тебя, земли последний сын!

Предчувствовал я жизнь замкнутых поколений,

Их думы, сжатые познанием, их мечты,

Мечтам былых веков подвластные, как тени,

Весь ужас переставшей пустоты!

Предчувствовал раба подавленную ярость

И торжествующих многообразный сон,

Всех наших помыслов обманутую старость,

Срок завершившихся времен!

.....

.....

Но нет! Не избежать мучительных падений,

Погибели всех благ, чем мы теперь горды!

Настанет снова бред и крови и сражений,

Вновь разделится мир на вражьи две орды.

Борьба, как ярый вихрь, промчится по вселенной

И в бешенстве сметет, как травы, города,
И будут волки выть над опустелой Сеной,
И стены Тауэра исчезнут без следа.
Во глубинах души, из тьмы тысячелетий,
Возникнут ужасы и радость бытия,
Народы будут хохотать, как дети,
Как тигры, грызться, жалить, как змея.
И все, что нас гнетет, снесет и светит время,
Все чувства давние, всю власть заветных
слов,

И по земле взойдет неведомое племя,
И будет снова мир таинственен и нов.
В руинах, звавшихся парламентской пала-
той,
Как будет радостен детей свободных крик,
Как будет весело дробить останки статуи
И складывать костры из бесконечных
книг.

Освобождение, восторг великой воли,
Приветствую тебя и славлю из цепей!
Я — узник, раб в тюрьме, но вижу поле, по-
ле...

О солнце! о простор! о высота степей!

1900–1901

Ревель, Москва

Примечания

Третья стража.

[^^^]

Море, к которому сверху взывает
Дева Мария.

П. Верлен (фр.).

[^^^]

3

Из солнца и желтого песка
Я делаю золото.
Фр. Вьеле Гриффен (фр.).

[^^^]